

XIV годъ
№ 11

XIV годъ
1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЬ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 12 марта 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія

Съ пересылкою въ Москву и другие города Россіи 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другие города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшия номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
и открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней), отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Князь А. М. Горчаковъ.

27 февраля скончался въ Баденъ-Баденѣ ма-ститый нашъ канцлеръ свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ, ослабленный лѣтами (ему теперь было 84 года) и недугами, послѣ 66-лѣтней дипломатической службы. Такая продолжительная и блестящая карьера, какая выпала на долю покойного Александра Михайловича, не часто выпадала на долю политическимъ дѣятелямъ. Его громадныя заслуги Россіи оцѣнены давно по достоинству.

Въ нашемъ журнальномъ неоднократно появлялись (1871 и 1881 г.) подробныя характеристики дѣятельности знаменитаго канцлера. Здѣсь въ сжатомъ видѣ мы лишь напомнимъ читателямъ главнѣйшія ея черты.

Никто не держалъ такъ высоко и такъ твердо знамя Россіи въ ея дипломатическихъ сношеніяхъ. Ему обязана она тѣмъ высокимъ, въ настоящемъ времени, первенствующимъ мѣстомъ, которое занимаетъ въ ряду первоклас-

Государственный канцлеръ А. М. Горчаковъ. † 27 Февралія.
Рис. Шпакъ, грав. Вейерманъ.

сныхъ державъ Европы; ему обязана возстано- вленіемъ нашей власти въ Черномъ морѣ, влія- ниемъ нашимъ на восто- кѣ. Наконецъ представителю русской земли въ совѣтѣ цивилизован- ныхъ государствъ, при- надлежитъ осуществле- ніе мысли составленія международныхъ пра- вилъ веденія военныхъ дѣйствій по возможно- сти въ строго-очерчен- ныхъ границахъ.

Еще въ 1855 году, будучи только русскимъ посланникомъ въ Австрии, Александръ Михайловичъ громко и рѣши- тельно заявилъ на кон- ференціи, что Россія не приметъ и не можетъ принять условіе, кото- рое наруша- бы ея право на собственной территории. Онъ гово- рилъ: „великая держава не можетъ принять та- кого условія и Россія не согласится на ограни- ченіе своего флота.“ Такое энергически выскажан- ное заявленіе было такъ убѣдительно, что пред- ставитель конференціи графъ Буйолъ согласился, что „въ теоріи притяза- ніе ограничить сухопут- ные и морскія силы го- сударства, есть покуше-

ніе на его верховныя права," но посовѣтовалъ "принять это условіе, оговоривъ за своимъ Государемъ полную свободу дѣйствій въ будущемъ."

Нынѣ Россіи принадлежитъ уже иная роль: она является державою умиротворяющею и сдерживающею войнолюбивыя посягательства, откуда бы они ни исходили. Голосъ Россіи окрѣпъ и получилъ нравственную силу.

Такимъ результатомъ выразилась двадцатилѣтняя дѣятельность нашего министра иностранныхъ дѣлъ и такія послѣдствія являлись во всякомъ шагѣ его политическихъ комбинацій. Современники не забудутъ и потомки съ благодарностью будутъ вспоминать смѣлый и рѣшительный отвѣтъ его на заявленія европейскихъ державъ, сдѣланныя по поводу польского восстания въ 1863 г. Вся Россія рукоплескала энергическому протесту русского канцлера противъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Судьба этой послѣдней коалиціи противъ Россіи известна, — она рушась и не имѣла никакихъ послѣдствій, а мятежъ былъ усмиренъ собственными средствами. Всѣ эти эпизоды совершились на нашихъ глазахъ и мы можемъ прослѣдить замѣчательную дѣятельность князя А. М. Горчакова. Въ будущемъ, конечно, вся служебная карьера канцлера будетъ раскрыта со всѣми подробностями услугъ, оказанныхъ имъ отечеству; теперь же намъ остается упомянуть только о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся его лично.

На морскомъ берегу.

П. П. Гнѣдича.

(Окончаніе).

XI.

Августа Павловна взяла меня за руку и таинственно повела въ уголокъ. Генераль со Стасей забились въ противуположный уголъ. Юноши что-то спорили о будущности человѣчества.

— У меня есть до васъ маленькое дѣльце,—нѣжнымъ шепотомъ заговорила она.—Вы давно знаете князя?

— Третій день.

Она грустно покачала головой.—Такъ мало! Ахъ, какъ жаль. А мнѣ такъ хотѣлось собрать о немъ свѣдѣнія... Вы знаете, онъ такъ ухаживаетъ, такъ ухаживаетъ за моей дочерью... Вѣдь фамилья Тузлуковыхъ, кажется, очень извѣстна?

— Извѣстна.

— Его мать очень богата, я знаю. У нея три дома въ Москвѣ, да еще домъ въ Петербургѣ. Сестра ея замужемъ въ Петербургѣ за министромъ, вы знаете...

— Какъ-же, какъ-же...

— Ахъ, я сама княжескаго происхожденія,—вздохнула она,—въ жилахъ Стаси течетъ княжеская кровь... Мужъ мой занимаетъ очень видное мѣсто въ Варшавѣ... А вы чѣмъ занимаетесь?

Я объяснилъ ей.

— Такъ, такъ... Послушайте,—князь, кажется, ведеть нерегулярную жизнь?

— Кажется.

— Женится—перемѣнится. Онъ ужѣ дѣжалъ намеки моей дочери. Конечно, эта партія еще не Богъ вѣсть что... Но если Стася согласится, я никогда противъ не пойду.

— Да вѣдь онъ женатъ,—внезапно брякнулъ я.

Эффектъ получился полный. Августа Павловна такъ и замерла съ открытымъ ртомъ.

— Же-натъ! по слогамъ выговорила она.—На комъ?

— На какой-то горничной.

Она всплеснула руками.

— Откуда вы это знаете?

— Онъ самъ говорилъ.

— Боже мой, Боже мой,—какой позоръ...

Она встала, пошла къ дочери и стала ей что-то говорить; та очень равнодушно пожимала плечами.

— Да вѣдь будущность нашей планеты—ледяной періодъ,—говорилъ Ивановъ.—Земной шаръ превратится въ ледышекъ, теплопроизводительность солнечной сферы сведется къ нулю,—на кой-же чортъ твои успѣхи цивилизациіи.

Нашъ государственный канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, свѣтлѣйший князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, родился въ 1799 году и воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣ, гдѣ въ 1817 году окончилъ курсъ и поступилъ на службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Съ восемнадцатилѣтняго возраста и до настоящаго времени, князь болѣе шестидесяти лѣтъ исключительно посвящалъ себя дипломатической дѣятельности, что рѣдко бываетъ въ жизни государственныхъ людей, часто подвизающихся на различныхъ поприщахъ. Еще въ молодости князь, состоя при графѣ Нессельроде и графѣ Каподистрія, былъ на конгрессахъ въ Тропицѣ, Лайбахѣ и Веронѣ. Онъ находился чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при австрійскомъ дворѣ, пока наконецъ не былъ назначенъ, 15 апрѣля 1856 г., въ высшую должность. Въ 1862 году 17 апрѣля возведенъ онъ былъ въ званіе вице-канцлера, а въ 1867 году — въ званіе государственного канцлера.

Нельзя не отдать должной справедливости неутомимому мужеству, съ какимъ князь уже въ преклонныхъ лѣтахъ, несмотря на разстроенное здоровье, исполнялъ возложенную на него обязанность дипломата. Вездѣ сопутствуя въ Бозѣ почившему Государю въ заграничныхъ путешествіяхъ, и лично изъ устъ Монарха узнавая цѣли и программы политической жизни Россіи, князь въ высшей мѣрѣ оправдывалъ свое назначеніе.

На морскомъ берегу.

П. П. Гнѣдича.

(Окончаніе).

— А мнѣ на твой ледяной періодъ наплевать,—возмущался Сидоровъ.—Я не признаю будущаго.

— Какъ не признаешь. Какое ты имѣешь право не признавать?

— Да я и права-то самаго не признаю. Я ничего не признаю, кроме настоящей минуты. Прошедшее для меня яйца выѣденного не стѣтъ. А на будущее я плюю.—Вотъ я живу теперь, и по мѣрѣ силъ человѣчеству пользу приношу...

— А человѣчество признаешь?

— Нѣкоторую его часть. Рациональную...

— А я къ какой части человѣчества принадлежу?—иронически спросилъ Вѣдьминъ.

— Къ ирраціональной! съострилъ Ивановъ.—Не подлежите извлеченію...

Я сталъ присматриваться къ Шнейдеру. Сдавалъ онъ еще спосоно,—но что онъ плутовалъ въ прикупѣ, это я видѣлъ ясно. Онъ всегда возвращалъ неудачный сносъ,—и дѣжалъ это удивительно ловко. У князя боковой записи совсѣмъ не было...

Августа Павловна, все еще не успокоившаяся и красная, стала приглашать меня играть съ нею. Я отказался, отговариваясь незнаніемъ. Она упросила хотя въ дурачки поиграть.—Отъ дурачковъ отказать было невозможно: мы сѣли по рублю сдачу. Черезъ полчаса я проигралъ ей шесть рублей. Этимъ дѣло и кончилось.

XII.

Генераль сталъ въ десятый разъ прощаться. Увидѣвъ въ открытомъ рукавѣ Стаси ея полненькую бѣленѣкую ручку, онъ сталъ приставать къ ней—позволить поцѣловать въ ямочку, въ локтевомъ сгибѣ. Она не позволяла и хохотала. Онъ наклонялся и тоже хохоталъ. Наконецъ ему удалось чмокнуть, и онъ, очень довольный, сталъ въ восторгѣ топтаться на мѣстѣ.

— Пухъ! Пухъ! говорилъ онъ.—Бѣленѣкій, мякинѣкій, легонѣкій... Вы вся пухъ,—пухъ отъ устъ Эола... Хе-хе! Позвольте, повернитесь ко мнѣ спиной... Согните руки.

Онъ взялъ ее за локти, и натуживши приподнялъ раза три кверху.—Пухъ! Пухъ! повторялъ онъ.

Стася его погнала.—Коли идти, такъ идите.—Тысячу разъ прощается, фуражку мнѣть въ рукахъ. Терпѣть не могу.

Прощаясь съ княземъ, Вѣдьминъ даже свиснулъ, увидѣвшіи запись. Вдѣбавокъ у князя почему-то было записано однимъ королемъ менѣше, чѣмъ у Шнейдера.

Князь впрочемъ этого не замѣчалъ, и шампанское подливалъ себѣ ужѣ безъ приглашеній. Юноши нахмурились, когда генералъ, спутавъ ихъ фамильи, одного назвалъ Карповымъ, а другаго Петровымъ,—принявъ это должно быть за насмѣшку. Наконецъ онъ ушелъ.

— Боже мой, какъ вы проигрываете, милый князь,—себолѣзвновала Рогова.—Нѣтъ я этого не допущу, какъ хотите, но берите меня въ половинную долю. Непремѣнно, непремѣнно.

Стася стояла у окна и кланялась генералу, дѣлавшему ей съ улицы ручкой. Я подошелъ къ ней.

Луна какая чудесная,—сказала она,—прелесть.

Ночь была южная, темная. По сѣровато-розовому фону неба, изъ-за тучъ выспывалася золотисто-красная луна, дробясь золотою сѣткою зыби въ водѣ, заливая все волшебнымъ свѣтомъ.

— Знаете что? предложила Стася. Поѣдемте въ лодкѣ.—Здѣсь пристань два шага.

— А ваша мамаша ничего не будетъ имѣть, если мы уѣдемъ вдвоемъ?

Она съ наивно-дѣтскимъ удивленіемъ покачала головой.—Конечно ничего. Я пользуюсь у нея полной свободой.

Дѣйствительно, Августа Павловна даже одобрила планъ прогулки, только сказала, чтобы на водѣ мы были осторожнѣе.

Стася надѣла шляпку, накинула мантилью, и взяла меня подъ руку.—Мы на тотъ берегъ перѣдемъ, сказала она, показывая рукой на ту сторону залива. Ты мама, главное, не беспокойся.

Мы пошли. Старикъ-лодочникъ подогналъ къ пристани свою лодку. Стася ловко перепрыгнула черезъ бортъ, показывая узенькую ботинку изъ-подъ платья.—“Пухъ, пухъ!” вспомнилъ я генерала.

На водѣ было еще лучше. Теплая, тихая, она чуть плескалась вокругъ высокихъ бортовъ большой морской лодки. Старикъ рыбакъ сильно налегалъ на весла своими шаршавыми ладонями. На веслахъ сверкали капли и алмазными нитями сыпалася въ волны. Разноцвѣтные огни пароходовъ гирляндами сіали на рейдѣ. Огромные суда, какъ морскія чудища, всплывшія на поверхность вздохнуть свѣжимъ вечернимъ воздухомъ, тяжело пыхтели, смутно чернѣя распостертymi реями въ золотистой ночной мглѣ. Звѣзды дрожали и искрились въ водѣ. Мы скользили словно въ дымѣ какой.

Мнѣ вспоминался германскій лирикъ:

Wir sassen beisammen
Traulich in leichten Kahn.
Die Nacht war still, und wir schwammen
Auf weiter Wasserbahn...

Не доставало только далекой пѣсни любви... Стася сбросила мантилью и задумчиво смотрѣла на небо. Ея темно-синіе глаза казались теперь совсѣмъ черными... О чёмъ она думаетъ,—мечтаетъ? спрашивалъ я самъ себя.

— Вы въ карты не играете? внезапно сказала она.

— Нѣтъ,—а что?

— Я такъ... Это хорошо, что вы не играете,—и не играйте. Особенно у насъ...

— Отчего-же...

— Оттого что этотъ Шнейдеръ... Съ нимъ не надо играть. Онъ плутуетъ въ игрѣ.

— Какже ваша мамаша принимаетъ его, знакома съ нимъ, если онъ шуллеръ?..

Она опять подняла глаза на луну, и ничего не отвѣчала...

— Настасья Николаевна,—вамъ сколько лѣтъ?

— Семнадцать...

— Только? вырвалось у меня.

— Правда,—я старше выгляжу? улыбнулась она.—Я много пережила, я очень много пережила и видѣла. Иной во всю жизнь не увидитъ того... Вы знаете, что

меня теперь ничто не интересуетъ,—въ шестнадцать-то лѣтъ.

„Въ родѣ князя,—подумалъ я: того тоже ничто не интересуетъ...“

— Я давно не помню, что бы хоть что нибудь живо заняло меня, на что бы я отъ души откликнулась. Я иногда съ ужасомъ думаю: Господи, да неужели мнѣ все еще семнадцать лѣтъ,—неужели впереди еще такъ много.

— Конечно... встрѣтитесь съ человѣкомъ, который вамъ понравится, влюбитесь,—новая жизнь зацвѣтеть.

Она грустно тряхнула головой.—Нѣтъ. Я не встрѣчуся,—если встрѣчуся, то не полюблю,—а если и полюблю, то никогда не скажу обѣ этомъ.

— Отчего?

— Оттого что я искалѣченная. Я не такая, какъ всѣ остальные. Я бы муку для мужа составила. Послушайте... Нѣтъ, вы не поймете меня... Это трудно понять. Да я и высказать не умѣю. Видите, я вѣрю, что въ человѣкѣ бываетъ иногда еще что-то такое, что не у всякаго бываетъ. Какая-то сила въ немъ есть,—и этой силой онъ можетъ окружающихъ мучить. Вы не понимаете?

— Что-то смутно...

— Ну да,—я знала, что вы этого не поймете. Вотъ во мнѣ эта сила и есть. Это ужасная вещь... Она у меня временами проявляется. Меня тогда всѣ начинаютъ бояться. Я и сама себя тогда боюсь... И я знаю, кто это все дѣлаетъ...

— Кто? То есть какъ кто?..

— Нѣтъ,—вы вѣдь смеяться будете...

— Зачѣмъ-же? Вѣдь вы искренно говорите?

— Искренно, конечно, искренно! съ жаромъ воскликнула она. Неужели-же вы думаете, что я бы рѣшилась съ вами... Нѣтъ это правда, самая ужасная правда,—я бы Богъ знаетъ что дала, только бы избавиться отъ этой правды.

— Вы все больше меня заинтересовываете....

— Это съ малолѣтства у меня. Началось это ночью. Какъ закрою глаза вижу передо мной что-то... я не знаю что... только не человѣкъ. Чудовище какое-то. Только фигура эта безъ головы... Вотъ вы теперь надо мной смеяться будете... Я лучше не буду говорить...

Я увѣрилъ ее, что тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго.

— Ахъ, это ужасно было,—продолжала она. Онъ мутилъ меня, щипалъ, щекоталъ—я не смѣла крикнуть. Потомъ онъ и днемъ сталъ являться. Какъ закроешь глаза, или задумаешься,—онъ ужъ тутъ... И у него съ годами лицо стало образовываться... Нѣтъ, что это за лицо! Вы себѣ представить не можете,—теперь, при одной мысли, меня въ дрожь кидаетъ...

Троньте мою руку.

Я взялъ ея маленькую бѣлую ручку,—отъ нея пытало горячечнымъ жаромъ. Она поднесла мою руку къ своему лбу.

— Чувствуете виски какіе? до чего наливаются кровью жилы... Представьте, что же со мной дѣлается тогда!.. Это разъ пять въ годъ бываетъ...

— Вы лечились?

— Какъ-же! У всѣхъ знаменитостей. Посылаютъ на воды... Пила я воды,—еще хуже... Служили молебны у чудотворныхъ иконъ, — не помогаетъ никакъ. И теперь онъ только сталъ появляться не сразу.—Я вдругъ почувствую,—гдѣ бы ни была, чтобы ни дѣлала,—вдругъ почувствую далеко, далеко его присутствіе. Я слышу, какъ онъ до меня начинаетъ добираться. Иногда цѣлый день онъ не можетъ дойти до меня... Иногда онъ точно стѣны какія ломаетъ, трясетъ цѣпями и потомъ хохочетъ... Ближе, ближе,—наконецъ такъ близко, что я слышу, какъ онъ дышетъ—хрипло, со свистомъ, и зубами скрипить...

Она дрожала какъ въ лихорадкѣ, глаза ея широко

раскрылись, она оперлась своей рукой на мою руку, и совсѣмъ близко наклонилась, почти прижалась ко мнѣ...

— Меня вѣ эти минуты мамаша боится,—какимъ-то торжествующимъ голосомъ говорила она.—Она забываеть иногда вѣ уголъ и молится. Такъ что если со мной припадокъ случится,—я часами лежу на полу безъ помоши... Теперь вы понимаете, отчего я замужъ не пойду—и могу-ли я думать о будущемъ...

XIII.

Я съ глубокимъ сожалѣніемъ глянула на этого бѣднаго надломанного нервами, ребенка, на это горячее существо, съ пылавшей головкой...

— Говорятъ, мнѣ надо лечиться сонамбулизмомъ... или магнитизмомъ,—ну словамъ пассами какими-то... Я вѣдь могу вещи очень странныя дѣлать... Я могу стукъ вызывать. Во всемъ, вѣ полу, вѣ мебели, вѣ землѣ, вѣ потолкѣ. Я сама не знаю, что это такое... Если хотите,—прибавила она по французски, взглянувъ на лодочника,—я вамъ сдѣлаю примѣръ: вы услышите стукъ вѣ дно лодки. Слушайте.

Она стиснула мою руку, и насторожилась. Нѣсколько секундъ ничего не было слышно,—и вдругъ тупой мягкий ударъ раздался подъ водой. Старикъ поднялъ весла.

— Что это? спросилъ я у него...

— Ударило что-то...

— Можетъ на дельфина соннаго наѣхали...

Старикъ покачалъ головой и осмотрѣлся. А вѣ дно послышался новый ударъ только глушѣ и дальше. Стася улыбнулась, и опять закуталась вѣ мантилью...

Луна поднялась совсѣмъ высоко и стала изъ красной блѣдно-серебристой. Воздухъ сильнѣе налился мглою, тѣни сильнѣе сгустились. Безконечный морской разливъ какъ стекло стоялъ предъ нами...

— Есть много чудеснаго вѣ природѣ,—задумчиво говорила Стася. Я знаю это по себѣ,—и меня никто не увѣритъ, что это нервы... Можетъ быть я-бы и поправилась, если-бы за мной былъ настоящій уходъ. А вѣдь мамаша...

Она остановилась словно не рѣшаясь сразу высказать.

— Мамаша мучить меня, когда я здорова. Словно вымѣщаетъ надо мной то, что ей приходится терпѣть во время припадковъ. Это постоянное подѣскываніе жениховъ,—приказаніе кокетничать съ ними... Это голодаѣ днями,—это ужасно!.. Порою мнѣ хочется закрыть глаза и полетѣть куда нибудь далеко, далеко... Мнѣ все чудится страна горячая, самая южная,—тамъ и тигры, и слоны, и цвѣты огромные... Если-бы туда я попала, у меня все-бы прошло, потому что я навѣрно знаю, что ему тамъ запрещено бывать...

Я смотрѣла, не шутить-ли она, не хотеть-ли надо мнѣ посмѣяться: но нѣтъ,—она вся дрожитъ отъ нервнаго волненія, вѣ горлѣ судорожное сжиманіе: притворяться такъ нельзя,—да и не къ чему притворяться...

— Я точно Богомъ проклята съ дѣства,—говорила она;—за чужie грѣхи должно быть. За что-же испытанія такія?.. Доктора успокаиваютъ: говорятъ—нервы! Да что же мнѣ за дѣло, нервы это, или нѣтъ,—важно то, что онъ приходитъ—вотъ что! а отъ нервовъ-ли, отъ чего ли другаго,—не все ли мнѣ это равно?.. А тутъ еще вокругъ—эти карты, ужинъ... Ахъ...

Она спрятала вѣ платокъ свое лицо.

Мнѣ было такъ не по себѣ, я былъ какъ вѣ чаду. Словно вѣ сказкѣ какой: вокругъ чернѣеть вода, звѣзды то вспыхиваютъ, то потухаютъ, лодка колышется, мыслей вереница снуетъ и иутается вѣ головѣ. Тукъ-тукъ! раздается на днѣ лодки. Лодочникъ крестится.—Да что же это—сонъ, что-ли, весь этотъ разговоръ, и это катанье, и эти стуки... Да нѣтъ-же,—это дѣйствительность,—отчего же такъ дышать тяжело, и проснуться нельзя, а надо жить вѣ этомъ снѣ?..

Она подняла заплаканное лицо.—Вѣдь вы для меня совсѣмъ чужой, но, я вижу, вы понимаете меня,—и этимъ ближе роднаго. Вы сочувствуете мнѣ, милый,—да! Пожалѣйте вы меня,—за что меня бросилъ Богъ вѣ этотъ міръ? Чтобы вѣчно, вѣчно мучиться?.. И никто этого проклятъ, никто снять не можетъ. И не хотять понять, что мнѣ тяжело такъ и только тиранять мое сердце, по каплѣ кровь пытъ... Хоть бы камень на шею,—да вотъ сюда, вѣ глубь—на дно морское... Тамъ и покой, и тишина. И онъ не придетъ,—онъ воды боится....

XIV.

Минутами мнѣ казалось, что она помѣшана. Вѣ ея глазахъ блестѣлъ какой-то совсѣмъ особенный огонь. Во всемъ лицѣ свѣтилось какое-то особенное, нечеловѣческое выраженіе. Точно вѣ правду она была не отъ мѣра сего.

— Развѣ ваша мама сильно стѣсняетъ васъ?

— Ахъ, она мучить меня! вырвалось у нея... Она меня вѣ замужество богатому жениху продать хочетъ... Вы думаете, она отчего не сказала ничего сегодня, когда князь поцѣловалъ меня вѣ вагонѣ,—вѣдь вы это знаете, я видѣла, какъ онъ говорилъ съ вами обѣ этомъ... Она не сказала ничего, потому что считала его за жениха. А какъ вы сказали, что онъ женатый—она мнѣ подходить къ нему запретила,—теперь посылаетъ съ вами кататься... И вѣдь знаете—это съ тринацдцати лѣтъ такъ: и чего я навидѣлась, чего наслушалась... Сколько разъ на волоскѣ судьба моя висѣла. Вѣ чужомъ городѣ меня бросали,—безъ хлѣба я голодала, платьями обносилась: заплатки не было починить... Чуть вѣдь не полы мнѣ приходилось мыть... И никогда, никогда теплой, искренней ласки мнѣ не удавалось испытать...

— А вотъ этотъ генералъ,—онъ такъ вамъ вѣ глаза и смотрѣтъ.

— Это чуть ли не отецъ мой... Впрочемъ не знаю—быстро прибавила она,—боюсь ошибиться... Я его помню съ тѣхъ поръ, какъ помню сама себя... Онъ прежде постоянно меня наказывалъ, да изъ комнаты вонъ гонялъ... А теперь вотъ каждый день конфектъ возитъ, да ручки цѣлуетъ...

Она опять задумалась, пристально глядя вѣ хрустальную зыбь воды. Между сдвинутыми бровями легла морщинка, на лицѣ отразилась словно какая-то тупая, внутренняя боль.

— Ну, домой,—пора, сказала она вздрогнувъ,—и вѣлѣла лодочнику повернуть лодку назадъ.—Насъ ждуть вѣроятно...

— Вы мнѣ прежде, кажется, говорили, что вашъ отецъ вѣ Варшавѣ... спросилъ я.

— То не отецъ—это мужъ мамина. Они давнымъ давно разошлись... Онъ военный, важную должность занимаетъ.. Ахъ, какъ я разстроилась отъ этого разговора,—замѣтила она, поводя плечами... У меня теперь до того нервы напряжены, что кажется вотъ капля одна переполнитъ—и припадокъ будетъ.

Я вѣлѣла грести скорѣе къ берегу, опасаясь, чтобы припадокъ этотъ не случился вѣ лодкѣ.

— Когда же всему этому конецъ будетъ, когда! прошептала она сквозь рыданія, склоняясь ко мнѣ на руку, конвульсивно вздрагивая отъ слезъ.—Неужели же кромѣ смерти нѣтъ избавителя другаго...

XV.

Шатаясь она дошла по улицѣ до подѣзда той гостиницы, где онѣ жили, и где два дня назадъ мой носильщикъ разбилъ стекло.

— Сегодня князь будетъ вѣ большомъ проигрышѣ,—сказала она, тяжело переводя дыханье...

Юноши ужে ушли. Въ накуренномъ воздухѣ было тяжело и душно. Сквозь облака сигарного и папиросного дыма блестѣлъ при свѣчкахъ широкій лобъ Шнейдера, чернѣлъ силуэтъ взъерошенной головы Тузлукова. Августа Павловна сидѣла близъ князя.—Шнейдеръ, мнѣ показалось, былъ очень недоволенъ нашимъ возвращенiemъ.

— Что такъ скоро? спросила Рогова, взглянувъ на блѣдное лицо дочери и переводя на меня свои подозрительные болотные глаза.

— Мнѣ что то нехорошо... чуть дурно не сдѣлалось,—объяснила Стася.

Утомилась въ дорогѣ, успокоительно замѣтила мать.—А у насъ здѣсь нашъ милый князь совсѣмъ въ проигрышѣ,—я его никакъ не могу остановить,—отказалась даже быть съ нимъ въ долѣ: онъ уже болѣе тысячи рублей проигралъ...

— Я-съ больше не играю,—говорилъ Шнейдеръ, таская колоду, привычными, наметавшимися руками.—Поптруйтесь расчестясь за проигранное,—а то вѣдь не на орѣхи-же, съ позволеніемъ сказать, мы играемъ.

— Не угодно ли, продолжать,—рѣзко замѣтилъ князь, окончательно уже охмѣлѣвшій, толкая подъ столомъ ногой поставленныя туда пустыя бутылки.—Если я говорю—продолжать, такъ значитъ продолжать надо.

— Не хочу,—отвѣтилъ спокойно Шнейдеръ, бросая карты.

— А я... я требую, крикнулъ князь, ударивъ по столу кулакомъ такъ, что подсвѣчникъ подскочивъ упалъ съ края стола на полъ.

Я подошелъ къ нему.

— Довольно, князь. Ёдемте домой. Всѣ устали и спать хотятъ.

Шнейдеръ нахмурившись посмотрѣлъ на меня.

— Князь долженъ мнѣ тысячу двѣсти сорокъ рублей, сказалъ онъ.

— Завтра онъ вамъ заплатитъ.

— Извините, я его не выпущу, пока не получу съ него тотчасъ-же. И вѣсъ, милостивый государь, прошу не путаться,—и не соваться гдѣ вѣсъ не спрашиваютъ!

Я поднялъ князя за руку.

— Ёдемте князь.

— Я вѣсъ непущу,—крикнулъ Шнейдеръ, шагнувъ къ намъ.

— Постойте, постойте,—сказалъ Тузлуковъ, проводя невѣрной рукой по своему лбу.—Я разочтусь сейчасъ. Сколько вамъ надо?

— Тысячу двѣсти сорокъ рублей.

Князь написалъ на сукнѣ 1240,—подумалъ, что то соображая.

— Это я вамъ проигралъ? спросилъ онъ.—Да?—Ну, если такъ, то вы... Онъ задумался.—Вы не гроденскій помѣщикъ, а мерзавецъ!

— Что-о? заревѣлъ Шнейдеръ... Что... Да какъ вы смыте...

Рогова завизжала, и стала искать колокольчика...

— Мерзавецъ! хладнокровно повторилъ князь.—Онъ говорилъ совершенно чисто и ясно, только гораздо медленнѣе. И если вы шагнете,—я вѣсъ вышвырну за окно...

— Уйдемте, ради Бога,—я не могу,—проговорила блѣднѣя Стася. Куда нибудь уйдемте...

— Да какъ-же князя оставить?...

Она пошатнулась, схватилась за столъ.

— Уйдемте, уйдемте! повторяла она...

— Меня, меня вышвырнуть,—хрипѣлъ задыхаясь Шнейдеръ,—да ты знаешь, что я пятаки въ трубки скручиваю...

Князь насыщливо смотрѣлъ на него пьянымъ взглядомъ, опустивъ руки въ карманы.

— Денегъ я не отдамъ,—мѣроно говорилъ онъ,—потому что вижу, что ты приписывалъ... Ну, прочь отъ меня, или...

Шнейдеръ вдругъ понялся къ дивану, поблѣднѣлъ какъ полотно. Стася кинулась въ двери.—Я, хорошенъко не понимая въ чемъ дѣло, бросился за ней...

— Куда вы,—послушайте,—говорилъ я, догнавъ ее на улицѣ...

— Тамъ... лепетала она указывая на окно.

Оттуда грянулъ выстрѣль, раздался какой-то вскрикъ, Стася пошатнулась и безъ чувствъ повалилась на землю...

XVI.

Когда она пришла немного въ себя, первое что она прошептала, это были слова: везите, везите меня куда нибудь, только подальше... я туда не пойду.

Я усадилъ ее въ первую попавшуюся коляску, и погрузилъ къ себѣ. Она окаменѣла, безъ движенія, сидѣла рядомъ со мной, словно не сознавая окружающаго. Она машинально пришла ко мнѣ въ комнату, машинально сбросила накидку.—У меня завтра утромъ будетъ припадокъ,—сказала она...

Я ей далъ выпить воды, спросилъ, не надо ли ей позвать горничную, она сказала что не надо.—Она сѣла въ кресла и закрыла глаза...

Она сидѣла такъ всю ночь. Предъ разсвѣтомъ, когда свѣчи стали блѣднѣть, она забылась. Я боялся ее оставить хотя бы на минутку. А между тѣмъ меня мучило любопытство, что тамъ дѣлается: въ кого былъ данъ выстрѣль, и какіе были результаты... Если смерть на повалъ... Быть можетъ Сибирь?..

Несчастная пьяная фигурка князька такъ и стояла у меня предъ глазами. Всѧ прелестъ судебнаго слѣдствія, во всей красотѣ, развернулась предо мной.—И за что пропалъ человѣкъ?!

Я ходилъ по комнатѣ, прислушивался къ шуму подъ окнами и въ коридорѣ. Но все было тихо,—ночь все блѣднѣла и тускла. Дѣвочка ровно дышала, свѣшивъ голову на грудь.

Я прилегъ на диванъ,—но едва забылся, какъ вскочилъ отъ необычайного гама.

— Гдѣ моя дочь! разносился по коридору голосъ т-те Роговой.—Гдѣ она,—возвратите мнѣ мою дочь!

Я вышелъ къ пей за дверь.

— Она у васъ?

— Тише,—она больна.

— Я хочу ее видѣть,—возвратите мнѣ мою дочь...

— Войдите...

Она вошла, хищнымъ взглядомъ окинула комнату. Стася не просыпалась. Августа Павловна мрачно скрестила на груди руки.

— Позвольте вѣсъ спросить, начала она,—что мнѣ прикажете дѣлать съ нею. Репутація ея погублена на всегда...

— Чѣмъ это?..

— Какъ? она ночью убѣжала съ вами...

— Да вѣдь этого никто не знаетъ...

— Согласитесь, что теперь ей немыслимо выйти замужъ...

Рѣчъ у нея полилась потокомъ, она точно горохъ въ стаканѣ сыпала... Тутъ были намеки на то, что я обязана жениться, чтобы поддержать честь ея дочери, что она могла выйти замужъ за какого нибудь графа,—что я навсегда погубилъ ея будущность. Однимъ словомъ, она наговорила ту массу вздора, которую всегда способна наговорить женщина въ минуту раздраженія. Въ концѣ-концовъ она объявила, что я виновникъ, что ее вчера чуть не убили...

На силу—на силу я ее уоѣдилъ закрыть фонтанъ ея краснорѣчія, увѣрилъ, что ничего ужаснаго не произошло, и что она же должна быть благодарна за то, что я увезъ ея дочь отъ полицейскихъ протоколовъ и скандала.

Понемногу она остыла. Оказалось, что вчерашній

выстрѣль былъ для всѣхъ безвреденъ: пуля ушла въ стѣну. Князь арестованъ, но денегъ Шнейдеру все-таки не заплатилъ...

— Удивительно, что Шнейдеръ прошелъ куда-то,— говорила она,— я наугадъ сюда прѣхала, мнѣ казалось, что вы именно здѣсь остановитесь... Ахъ, я такъ потрясена, такъ потрясена...

Но тѣмъ не менѣе она напилась чаю. Гиѣвъ ея окончательно прошелъ. Она совсѣмъ не поминала про оскорблѣніе, нанесенное ея дочери. Напротивъ, она была со мной чрезвычайно любезна.

— Это припадокъ, говорила она.— Если бы вы знали, до чего я намучилась съ ней! Я сама больна отъ этихъ волненій... Это ужасно, ужасно!

Когда дочь проснулась, она съ нѣжностью стала ее пѣловать. Потомъ внезапно отозвала меня въ уголъ и попросила въ долгъ двадцать пять рублей. Я былъ тоже измученъ всѣми впечатлѣніями послѣднихъ сутокъ, и мнѣ продолжало казаться, что все это сонъ.

— Что то съ княземъ бѣднымъ будетъ? Покушеніе на убийство... Вѣдь это ужасно! говорила т-те Рогова, уѣзжая съ дочерью.— О, какія ужасныя событія...

XVII.

Я рѣшился бѣжать на сѣверъ. Впечатлѣнія юга усиливались съ каждымъ днемъ, и далѣе выносить не было силъ. Стася весь слѣдующій день пролежала больная. На утро, когда я укладывалъ вещи, ко мнѣ внезапно вошелъ князекъ, чистенький, вымытый, веселый. Онъ такъ мнѣ обрадовался, что кинулся на шею.

— Отпустили! въ восторгѣ кричалъ онъ.

— Какъ вамъ Богъ помогъ?

Донъ-Ледро Кастильскій.

Историческій разсказъ Э. Шпильмана.

(Продолженіе).

V.

Въ послѣднюю ночь, предъ отѣздомъ Санхо Церборо и его семейства въ Севилью, Аделаида снова была подъ кедрами.

Около нея на землѣ сидѣлъ черноволосый стройный и казавшійся гибкій какъ сталъ юноша, съ смуглымъ лицемъ и большими пламенными глазами; то былъ образецъ юношеской, мужской красоты Сіерры; свой простой и бѣдный костюмъ, состоявшій изъ грубой рубахи и панталонъ и ловко охватывавшаго его пояса, онъ носилъ съ какимъ то особынѣмъ достоинствомъ и природною грацією, какъ будто былъ одѣтъ въ бархатъ и шелкъ; юноша задумчиво перебиралъ струны лютни.

— Спой еще эту пѣсню, Хуанито! произнесла Аделаида.

Хуанито пропѣлъ безыскусственно, но необыкновенно пріятнымъ голосомъ: „Лучше горе на радость мѣнять, чѣмъ трусливо любви избѣгать; сладостна смерть отъ любви; а забыть что живешь—все равно что не жить; лучше радость на горе мѣнять, чѣмъ трусливо любви избѣгать.“

— Чѣмъ трусливо любви избѣгать! повторила Аделаида.

И она замолчала. Хуанито тоже оставался безмолвнымъ, въ немъ говорили только глаза, пожиравшіе Аделаиду, всю залитую серебристымъ свѣтомъ луны, а пальцы продолжали слегка касаться струнъ лютни, которая отъ времени до времени издавала тихіе и нѣжные звуки, точно эолова арфа въ ночной тишинѣ.

— Поцѣловуй меня, Хуанито, вдругъ сказала Аделаида.

Хуанито вскочилъ какъ ошеломленный.

— Я? Поцѣловать? Тебя? тебѣ, сенатора, проговорилъ онъ, блѣдный съ дрожащими губами.

Лицо Аделаиды покрылось густой краской стыдливости, но она повторила: Поцѣловуй меня, Хуанито!

И граціозно загинувъ головку назадъ, подставила юношѣ свои алые губы.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, Хуанито робко прикоснулся къ устамъ красавицы.

— Виопо поче Хуанито! прошептала Аделаида, виопо поче и пропой мнѣ опять подъ окномъ твою пѣсню.

И дѣвушка легкой тѣнью исчезла за кедрами.

Нѣсколько минутъ Хуанито стоялъ въ безмолвномъ изумлѣніи; губы его что то шептали будто во снѣ, все тѣло трепетало подъ наплывомъ новаго, непонятнаго чувства: Аделаида любила его, его, Хуанито, бѣднаго оборвыша.

Наконецъ онъ очнулся, поднялъ лютню и ставъ подъ окномъ, запѣлъ своей Аделаидѣ.

VI

Прошло четыре дня.

— Да и здѣсь начальство оказалось знакомымъ. Шнейдера вчера же выслали отсюда, а съ тѣнѧ взяли слово, что я сегодня уѣду. Выѣдете?

— Да.

— Такъѣдемте вмѣстѣ.

Онъ бросился къ себѣ укладывать чемоданъ. Оказалось, что „начальство“, когда дѣло выяснилось, рѣшило покончить дѣло безъ шума. Шнейдеръ, конечно, не получилъ ни гроша. Тѣмъ не менѣе, онъ добился свиданія съ княземъ, простился съ нимъ по пріятельски, поцѣловался даже, и увѣрилъ его, что былъ тоже пьянъ, потому и погорячился, и записалъ что нибудь лишнее. Но князь на это не сдался и отказался отъ всякихъ долговъ.

— Знаете, я какой-то несчастный, особенный человѣкъ,—говорилъ онъ мнѣ, когда паровозъ помчалъ насъ черезъ пропасти и мрачные туннели по таврическимъ горамъ.— Ну, посмотрите, какъ все плю хорошо, благополучно, вплоть до вчерашняго вечера. И не пилъ я,— и гладко, и ровно все было... А теперь въ полиції сидѣлъ, арестованъ былъ: чортъ знаетъ, что такое. Вотъ матерь говоритъ, что Стася не отъ мѣра сего. Ей Богу и я такой же... Отчего-же съ другими никогда ничего подобнаго не случается... Нѣтъ, баста! Зарокъ даю— пить больше не буду?..

— Надолго?

— Зарокъ-то?.. Навсегда!.. Впрочемъ, надо полагать не выдержу.

Въ Харьковѣ мы разстались. Я полагаю, что онъ не выдержалъ.

28-го августа 1882 года.

С.-Петербургъ.

Король сидѣлъ въ великолѣпной тронной залѣ Альказара, окруженный своими вельможами и дворянами.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ ступеней трона, за маленькимъ столикомъ, помѣщался Донъ-Рюицъ Ферріа, тайный секретарь короля, а первое мѣсто среди вельможъ занялъ королевскій любимецъ, донъ Хуанъ де Альбюкеркъ. Донъ Санхо Церборо, одѣтый въ свое простое платье, подошелъ къ ступенямъ тронной эстрады и опустился на колѣни. Глаза вельможъ и дворянъ съ удивленіемъ остановились на незнакомцѣ, чтѣ, очевидно, забавляло короля, по лицу котораго нѣсколько разъ пропѣжала улыбка.

Церемонія привѣтствія кончилась и придворные уже поднялись съ колѣнъ. Король сдѣлалъ знакъ секретарю. Этотъ послѣдній ударилъ молоточкомъ по маленькому серебряному колокольчику, висѣвшему передъ нимъ на столѣ на особой подставкѣ.

Въ залу взошелъ капитанъ дворцовой стражи.

— Введите сенатора губернатора и сенаторовъ вентикватрасовъ (двадцать четырехъ), сенаторъ капитано, сказалъ секретарь—такъ повелѣлъ король.

Капитанъ вышелъ и вслѣдъ затѣмъ въ залу вступили двадцать четыре члена суда, съ дономъ Родригесъ Роясъ, президентомъ суда и губернаторомъ Севильи во главѣ.

Король поднялся съ трона, президентъ и члены суда преклонили колѣна.

— Донъ Родригесъ Роясъ, губернаторъ Севильи и президентъ суда двадцати четырехъ, строгимъ голосомъ произнесъ король,— до слуха твоего короля и повелителя дошло, что ты дурно выполняешь свои обязанности, врученныя тебѣ королевскимъ довѣріемъ. На улицахъ Севильи каждую ночь происходятъ воровства, грабежи и убийства!

Камни кричать о томъ съ мостовыхъ, воробы о томъ щебечуть съ крыши, а ты, повидимому, того не вѣдаешь или дѣлаешь видъ, что не желаетъ знать, такъ какъ тѣ воры, нарушили спокойствія, грабители—да смируется надъ нами Пречистая Дѣва!—дворяне, твои ровные, и потому глаза твои слѣпы и вѣсы правосудія въ твоихъ рукахъ невѣрны!

— Государь, мой повелитель! съ усиліемъ проговорилъ донъ Родригесъ, поблѣднѣвший какъ полотно.

— Молчи! прогремѣлъ король и глаза его блеснули дикимъ огнемъ, молчи, донъ Родригесъ, и положи свой жезль у подножія трона и бѣги съ глазъ твоего короля, бѣги, донъ Родригесъ, потому что я не жалю тебя больше видѣть, донъ Родригесъ Роясъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ приблизился губернаторъ

Въ день рожденія. Съ картины Зондерланда, грав. Веберъ.

къ трону, опустился тамъ на колѣни и положилъ на ступени жезль.

Онъ хотѣлъ поцѣловать кончикъ королевскаго башмака, но король съ гиѣвнымъ презрѣniемъ отдернулъ ногу и донъ Родригецъ, шатаясь, оставилъ залу.

Подай мнѣ жезль, донъ Хуанъ, сказалъ король своему любимцу, Альбюкерку.

Тотъ, преклонивъ колѣно, выполнилъ приказаніе короля.

— Донъ Санхо Церборо! произнесъ теперь король,—прими изъ рукъ твоего короля и повелителя этотъ жезль, знакъ твоего достоинства и власти, какъ губернатора Севильи и президента суда двадцати четырехъ; держи отнынѣ въ Севильѣ всѣи правосудія для всѣхъ равно, какъ велить тебѣ законъ твоего короля.

Санхо Церборо припялъ жезль и прикоснулся къ нему тубами.

— А вы, сенаторы вентикватрасъ,—продолжалъ король,—вы будете заботиться о томъ, чтобы всякий, кого президентъ вашъ потребуетъ къ суду, явился по его зову, слышите: всякий, кто бы онъ ни былъ! Клянусь, сенаторы, не то вамъ будетъ худо!

И снова сверкнули глаза короля тѣмъ яркимъ пламенемъ гиѣва, предъ которымъ трепетало все.

— Ты вступаешь немедленно въ должность, донъ Санхо Церборо, губернаторъ Севильи, президентъ совѣта вентикватрасъ, въ должность, которую получилъ изъ рукъ твоего повелителя и короля.

По знаку, поданному тайнымъ секретаремъ въ колокольчики, алебардщики открыли двери и сенаторы удалились изъ залы, отступая, по этикету, задомъ. Съ удивленіемъ узнала Севилья, что простой сельскій дворянинъ, донъ Санхо Церборо, возвѣденъ королемъ на высокій постъ губернатора города и президента суда двадцати четырехъ; но вскорѣ жители почувствовали твердую руку новаго правителя.

Санхо Церборо началъ съ того, что уволилъ всѣхъ альгавизловъ, начальниковъ патрулей и капитановъ, оказавшихся подкупными; вмѣсто съ тѣмъ онъ образовалъ совершенно новый патруль, въ составъ котораго пригласилъ своихъ знакомыхъ изъ Сиерры, зная ихъ непоколебимую честность и вѣрность долгу; этому патрулю онъ поручилъ охрану севильскихъ улицъ ночью.

Антоніо Гернандецъ былъ назначенъ однимъ изъ капитановъ новой стражи. Гернандецъ, все еще надѣявшійся заслужить любовь Аделанды, съ радостю принялъ предложеніе дона Санхо и поспѣшилъ въ Севилью, оставивъ свое хозяйство на попеченіе матери.

Строго наказывалъ новый губернаторъ всякаго, нарушившаго общественный порядокъ, всякаго оказавшагося виновнымъ въ грабежѣ или разбоѣ, наказывалъ такъ, какъ ему предписывалъ законъ его короля, не обращая вниманія ни на лицо, ни на положеніе, совершенно отличающееся въ этомъ отъ своего предшественника, дона Родригеса. Съ каждымъ днемъ росло общее довѣріе къ справедливости дона Санхо Церборо и его популярность; что же касается прежнихъ нарушителей закона, то имъ онъ вселилъ спасительный страхъ и грабежи сдѣлались уже рѣдкостью.

VII.

Была темная ночь.

Передъ однимъ домомъ въ улицѣ Карадасъ стоялъ какой-то мужчина, лицо и вся фигура котораго были скрыты широкополой шляпой и длиннымъ плащомъ.

Поднявъ глаза къ одному изъ оконъ дома, которое было освѣщено, онъ далъ сигналъ тихимъ свисткомъ; свѣтъ тотчасъ же погасъ.

— Что это значитъ? пробормоталъ неизвѣстный,—вмѣсто того, чтобы сойти ко мнѣ съ лампой, какъ тогда, и отворить решетку, гасяя огонь.

И онъ снова подалъ свистокъ.

Но въ домѣ не послѣдовало никакого движенія.

— Карамбо! Куда же дѣвалась старая?

Въ своемъ нетерпѣніи схвативъ шагу, онъ сталъ колотить тяжелымъ эфесомъ по решетчатымъ воротамъ дома, поднявъ страшный шумъ среди безмолвной ночи.

Но въ домѣ все по прежнему оставалось спокойно.

— Клянусь Распятіемъ! воскликнулъ громко наконецъ неизвѣстный,—оглохла что ли старая вѣдьма? А донъ Базильо? Этотъ вѣрно углубился въ свою науку и, хоть земля тутъ разступись, ничего не услышитъ, лишь бы только уцѣлѣли его комната, астролябія и пергаменты! Но мнѣ надо видѣть дона Базильо, во что бы то ни стало, сегодня же ночью! Онъ обязанъ сказать мнѣ сегодня же по звѣздамъ—правда-ли, что Хуана Гернандеца лживая женщина, какъ меня стараются увѣрить. Правди ли, что она хочетъ опутать меня своею любовью, чтобы потомъ вѣрнѣ предать меня моему мятежному и клятвопреступному брату. Онъ опять сталъ громко колотить въ ворота.

Но въ домѣ все было тихо.

— Карамба! я сломаю имъ ворота. И въ самомъ дѣлѣ, схвативъ за ручку, онъ сталъ трясти ихъ съ такою силой, что створы затрещали въ своихъ петляхъ.

— Стойте, сенаторъ! Что вы ломитесь сюда? вы развѣ живете здѣсь? раздался сзади твердый мужской голосъ и чья-то рука опустилась на плечо неизвѣстного. Этотъ послѣдній, оста-

вивъ решетку, какъ молния повернулся къ говорившему и рѣзкимъ движениемъ сбросилъ его руку съ своего плеча.

— Тебѣ что надо, болванъ? иди своей дорогой! гиѣвно воскликнулъ онъ.

Тотъ, узнавъ въ шумѣвшемъ,—по тонкой материѣ плаща, до котораго дотронулся—дворянинъ, отвѣтилъ вѣжливо, хотя и съ прежней твердостью: я—на своей дорогѣ, сенаторъ кабаллеро, а вы, мнѣ кажется, идете по неправильному пути; по этому прошу васъ удалиться; теперь запрещено по почамъ шумѣть на улицахъ и беспокоить мирныхъ жителей, вы сами видите, что васъ не хотятъ впустить.

— Если ты на своей дорогѣ, такъ и иди дальше, не становись поперекъ моей!

— Сенаторъ кабаллеро! продолжалъ тотъ спокойно, я—Антоніо Гернандецъ, капитанъ патруля этой улицы, и могъ бы вамъ приказать уйтти! Но такъ какъ вы кабаллеро, то я васъ прошу о томъ, по прошу въ послѣдній разъ!

— А я говорю тебѣ, Антоніо Гернандецъ, капитанъ патруля этой улицы, въ послѣдній разъ: иди своей дорогой!

— Вы заставляете меня, сенаторъ кабаллеро, употребить силу, если не хотите понять моей просьбы!

— Силу? противъ меня?

— Противъ всякаго, сенаторъ кабаллеро, кто не слушается закона.

— Убирайся ты къ чорту! крикнулъ неизвѣстный и спова принялъся трясти решетку.

Капитанъ, вмѣсто дальнѣйшихъ разговоровъ, схватилъ его за плащъ, съ намѣреніемъ оттащить отъ воротъ.

— Карамба! воскликнулъ тотъ,—собака! Ты смѣешь дотрогиваться до меня, твоего...

..Онъ не договорилъ и, выхвативъ свою длинную шагу, бросился на стражу. Но тотъ успѣлъ ужъ обнажить свое оружіе также: „Пусть на васъ, сенаторъ, падеть кровь, которая будетъ пролита!“ произнесъ онъ и въ свою очередь кинулся на противника.

Но неизвѣстный владѣль шагою несравненно лучше капитала и секунду спустя несчастный со стономъ повалился на землю.

Кабаллеро подождалъ съ минуту, ожидалъ, что тотъ поднимется вновь.

Но такъ какъ этого не послѣдовало, а черезъ нѣсколько минутъ прекратились и стоны, то онъ приблизился къ лежавшему, разстегнулъ камзолъ и приложилъ руку къ сердцу.

— Умеръ! клянусь, мнѣ жаль его! промолвилъ онъ,—а дранся не дурно. Затѣмъ, отеревъ о платье убитаго лѣзвіе шаги и осѣнивъ его крестомъ, онъ быстро удалился.

VIII.

Три дня спустя послѣ этой трагической ночи, король призвалъ дона Санхо Церборо къ себѣ, въ Альказаръ.

— Ну, сенаторъ губернаторъ, что хорошаго въ нашемъ добромъ городѣ Севильѣ? спросилъ король.

— Хорошаго мало, государь и повелитель мой; темной ночью, три дня тому назадъ, убить капитанъ патруля, Антоніо Гернандецъ, одинъ изъ моихъ лучшихъ, надежнѣйшихъ и усерднѣйшихъ слугъ.

— Какъ? Значить—опять убийство? и притомъ, капитала? Онъ былъ одинъ?

— Одинъ—къ своему несчастію! Спокойствіе, возстановившееся въ Севильѣ со временемъ моего вступленія,—благодареніе Пресвятой Дѣви!—нѣсколько ослабило ихъ осторожность въ отношеніи самихъ себя. Гернандецъ, патрульный капитанъ улицы Карадасъ, какъ разъ въ ту ночь, когда онъ поплатился своей жизнью за служебное усердіе, былъ посланъ капитаномъ, вопреки моимъ предписаніямъ, одинъ въ обходъ; за это я смѣстилъ капитана, хотя мнѣ и жаль, такъ какъ онъ тоже хороший служитель.

— Съ нимъ случилось то, что онъ вполнѣ заслужилъ. Но, сенаторъ губернаторъ, надѣюсь, что убийца уже открыть и сидитъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи своего приговора?

— Къ своему горю, государь, повелитель мой, я обязанъ сказать, что убийца, не взирая на всѣ мои усиленія и усиленія моихъ служителей, остается неоткрытымъ до сихъ поръ.

— Э, сенаторъ губернаторъ,—произнесъ король насмѣшило,—прошло три дня, а ты не могъ еще отыскать убийцы? И неужели не нападъ даже и на слѣдъ, не имѣшь ни малѣйшаго подозрѣнія на кого-нибудь?

— Убийца былъ кабаллеро; рана Гернандеца нанесена колющій шагой, т. е. шагой дворянина; вотъ все, что я знаю пока.

— Ужъ очень мало этого, сенаторъ губернаторъ, нельзѧ не сказать! Клянусь Распятіемъ, донъ Санхо Церборо, забылъ ты то, что такъ смѣло и решительно говорилъ мнѣ у себя дома, въ ту ночь, когда я былъ твоимъ гостемъ?

— Не забылъ я того, государь, повелитель мой.

— Ну такъ, сенаторъ губернаторъ, сказалъ король строго,—если отъ нынѣшняго, въ теченіе трехъ дней, убийца не будетъ открыть, судимъ и наказанъ по закону, то ты самъ этимъ произнесешь надъ собой приговоръ!

— Срокъ коротокъ, но государь мой правъ! Санхо Церборо самъ произнесеть приговоръ надъ собой!

Король жестомъ далъ понять, что отпускаетъ его, и Санхо, преклонивъ колѣно и поцѣловавъ край королевскаго плаща, удалился.

Задумчиво возвращался онъ къ себѣ по улицамъ Севильи. Онъ напрягъ всѣ усилия своего прозорливаго ума, чтобы найти преступника; ничто не было оставлено безъ вниманія; жители улицы Кариадѣ, всей Севильи, помогали служителямъ любимаго губернатора, но все было напрасно; возможно ли было, при такихъ условіяхъ, открыть убийцу въ короткій срокъ, назначенный королемъ?

Въ эту минуту—день былъ базарный и улицы были переполнены народомъ—въ эту минуту, какой-то юноша дотронулся до плаща Санхоя.

— Донъ Санхо Церборо шепнулъ онъ—мнѣ надо передать тебѣ кое-что; узнаешь ли еще меня?

— Нѣтъ! возразилъ Санхо въ разсѣянности,—я не знаю тебя, хотя будто и кажешься мнѣ знакомымъ, но—что тебѣ надо?

— На улицѣ не удобно, донъ Санхо! Мнѣ надо тебѣ передать секретное и важное дѣло; никто не долженъ это слышать, кромѣ тебя, донъ Санхо.

— Секретное и важное? спросилъ Санхо удивленный и съ большимъ вниманіемъ.

— Да! тихо отвѣтилъ юноша.

— Такъ войдемъ въ тотъ домъ, сказалъ губернаторъ, входя впереди въ открытые ворота дома, хозяинъ котораго расположился, съ своимъ семействомъ, въ „patio“, вокругъ фонтана.

— Buenas Tardes, сеннаръ, сеннарины и сеннариты! вѣжливо привѣтствовалъ губернаторъ хозяина и его семейство, которое, при видѣ его, поднялось съ своихъ мѣстъ; хозяинъ же пошелъ на встрѣчу.

— Buenas Tardes, сеннаръ, добро пожаловать въ домъ Рюица Комахіосъ.

— Вы меня знаете, сеннаръ Рюицъ Комахіосъ?

— Конечно, сеннаръ губернаторъ.

— Этотъ юноша, котораго я встрѣтилъ въ вашей улицѣ, имѣеть передать мнѣ важное дѣло, передать мнѣ одному, такъ, чтобы, кромѣ меня, никто не могъ его слышать; такъ какъ до моего дома далеко, то я и избралъ вашъ, чтобы выслушать этого молодца.

— Благодарю за честь, сеннаръ губернаторъ! Будьте такъ добры войти съ нимъ сюда—и хозяинъ отворилъ дверь въ одну изъ комнатъ, прилегавшихъ къ „patio“; никто, сеннаръ губернаторъ, не услышитъ вашего разговора съ нимъ.

— Благодарю, сеннаръ! произнесъ донъ Санхо и вошелъ съ юношой въ комнату.

— Ну, говори! сказалъ онъ, запирая дверь.

— А ты, въ самомъ дѣлѣ, не узнаешь меня, донъ Санхо? А, вѣдь, одинъ разъ хотѣлъ меня отдать?

— Santa Madre! удивленно воскликнулъ Санхо, узнавъ собесѣдника—ты? Хуанито Альваро? что ягнить краль? Какое же важное дѣло хочешь сказать мнѣ?

— Донъ Санхо, отвѣчалъ юноша серьезнымъ тономъ,—я тебѣ обязанъ многимъ! Правда, что я укралъ у тебя ягненка! Нѣтъ—я хочу быть честнымъ—я укралъ у тебя не одного, а трехъ, четырехъ, пока ты не накрылъ меня на пятомъ! И когда я тебѣ сказалъ, что я краль ихъ для моей старой, большой матери, которая теперь уже скончалась,—то ты не только не отнялъ у меня ягненка, но и подарилъ еще кружку вина, мѣшокъ муки и цѣлую горсть мелкой монеты для моей матери! За это я тебѣ, донъ Санхо, останусь благодаренъ на всю мою жизнь, потому что моя мать была мнѣ все! Она, въ свой смертный часъ, мнѣ вѣдѣла никогда не забывать преданности къ тебѣ и я ей поклялся въ этомъ, держа ея холодѣющу руку. Теперь пришло время доказать тебѣ это, и я сдѣлаю, какъ говорю, донъ Санхо,—будь со мной что будетъ!

— Ты славный малый, Хуанито, но говори скорѣе, мнѣ время дорого! сказалъ донъ Санхо!

— На базарѣ сегодня утромъ рассказывали, что убийца Антоніо Гернандеца еще не открыть и что это очень непріятно губернатору, дону Санхо Церборо; такъ ли, донъ Санхо?

— Такъ, Хуанито! Не открой я убийцы въ теченіе трехъ дній—я рисковую своей репутацией, честью, жизнью!

— Ну, донъ Санхо, я знаю убийцу; если, правда, не могу сказать тебѣ имени, за то могу такъ ясно его описать, что онъ тотчасъ же будетъ въ твоихъ рукахъ!

— Пресвятая Дѣва! Ты, Хуанито? Ты? Невозможно! Да какъ же ты могъ это узнать? Тебѣ, просто, что нибудь пришло въ голову! воскликнулъ донъ Санхо, съ недовѣріемъ, но сильно взволнованный.

Хуанито приблизившись къ губернатору, шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо.

Бѣдный какъ полотно рванулся отъ него донъ Санхо, только что разслышавъ тѣ таинственные слова.

— Пресвятая Богородица! произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ,—моя догадка, моя догадка!

Но, призывавъ на помощь свою желѣзную волю, Санхо быстро спрavился съ волненіемъ и овладѣлъ собой; затѣмъ, схвативъ Хуанито за руку, онъ шепнулъ ему на ухо:

— Тутъ больше ничего не говори, Хуанито, а пойдемъ ко мнѣ!

Поблагодаривъ хозяина за гостепріимство, донъ Санхо Церборо попросилъ его дать ему и Хуанито моловъ, которые, нѣсколько минутъ спустя, и были отданы услугливымъ дономъ Рюицемъ въ ихъ распоряженіе.

Войдя въ свою комнату, губернаторъ сказалъ, обращаясь къ юношѣ: Тутъ мы обеспечены отъ всякаго подслушиванія! Ну, рассказжи же, Хуанито! рассказжи все, что ты знаешь и только рассказываи спокойно, не забывай никакой мелочи! вспомни хорошенько все!

Хуанито рассказалъ.

— Хуанито, произнесъ донъ Санхо торжественнымъ голосомъ, когда юноша кончилъ свой рассказъ,—сынъ мой, будешь ли имѣть мужество повторить свой рассказъ предъ судомъ, въ присутствіи самого убийцы,—знатного лица, повторить такъ, именно, какъ ты мнѣ передалъ его тутъ, если бы даже твоё обвиненіе стоило тебѣ жизни?

— Донъ Санхо Церборо, отвѣчалъ Хуанито и его черные глаза радостно блестали: я на все готовъ для тебя, готовъ отдать и свою жизнь! Ты слышалъ, о чёмъ я клялся моей матери, у ея смертнаго одра: быть тебѣ благодарнымъ! Весь разговоръ мой, слово въ слово, повторю при самомъ убийцѣ, потому что это—чистая правда; а моя жизнь, донъ Санхо? Если Хуанито придется умереть, то онъ соединится въ небѣ со своею матерью и—умретъ для Аделаиды! прибавилъ онъ про себя.

— Хуанито! воскликнулъ Санхо, заключая юношу въ свои объятия,—небо отказалось мнѣ въ сынѣ моей крови, для того, чтобы наградить тобой сегодня! Пойдемъ къ женѣ и къ нинѣ.

— Хуанито! вырвалось у Аделаиды, и это воскликаніе было такъ выразительно, что Санхо, съ удивленіемъ, просилъ дочь объяснить, что это должно было значить.

— Что я люблю Хуанито, отецъ мой, что я его невѣста и только за него одного и выйду!

— Ты... Ты... любишь Хуанито? Его, вотъ этого самаго Хуанито?

— Да, его, и я думаю, что онъ любить Аделаиду!

Хуанито молчалъ, но во взглядѣ, который онъ бросилъ на дѣвушку, былъ цѣлый міръ любви.

— Значить Милосердая Владычица рѣшила, что человѣкъ, котораго Аделаида полюбила, будетъ, въ то же время и спасителемъ ея отца! произнесъ Санхо и передалъ женѣ и дочери въ чёмъ было дѣло.

Но Хуанито, однако, онъ запретилъ рассказывать:

— Не говори женщинамъ—шепнулъ онъ ему—пока я не возвращусь, что убийца—тотъ, котораго ты мнѣ описалъ, я требую этого отъ тебя, потому что такъ надо!—Затѣмъ Санхо вышелъ изъ комнаты, чтобы отправиться въ Альказарь, къ своему королю и повелителю.

— Бѣдный Антоніо! бормоталъ онъ дорогой,—бѣдный Антоніо! Но и то правда! этотъ Хуанито хороши, хороши какъ весенний день, а сердце у него золотое! бѣдный Антоніо! тебѣ лучше, что ты умеръ: если Хуанито и Адель, съ соизволеніемъ Неба, будутъ соединены, то—кто знаетъ—снесъ ли бы ты тогда это! Миръ праху твоему!

Король немедленно велѣлъ его принять.

Опустившись на колѣни, Санхо произнесъ торжественнымъ тономъ:

— Король и повелитель мой! Убийца патрульного капрала, Антоніо Гернандеца, открыть!

— Да? спросилъ король,—ну, мнѣ любо слышать это; очень хорошо, сеннаръ губернаторъ, очень хорошо для тебя!

— Не для меня, государь, а для правосудія это хорошо!

— Хорошо! Пусть будетъ и такъ, если желаешь! А кто же это?

— Простите, король мой и повелитель, и дозвольте мнѣ пока, по важнымъ причинамъ, умолчать о его имени. Но—я завтра приглашу его въ трибуналъ двадцати четырехъ, чтобы онъ обвиненіе выслушалъ, въ свою защиту—что можетъ—сказалъ, и—if будешь найденъ виновнымъ—свой приговоръ выслушать и свое наказаніе понесъ. Это—знатное, очень знатное лицо, и я пришелъ просить короля, моего повелителя, издавшаго законъ, обязательный для всѣхъ въ Севильѣ, чтобы онъ, своимъ королевскимъ могуществомъ и властью, окказалъ покровительство суду, въ случаѣ если бы обвиняемый отказался идти на его зовъ; желаетъ ли того король мой?

Король съ минуту подумалъ.

— Я желаю того, сеннаръ губернаторъ! произнесъ онъ съ величиемъ.

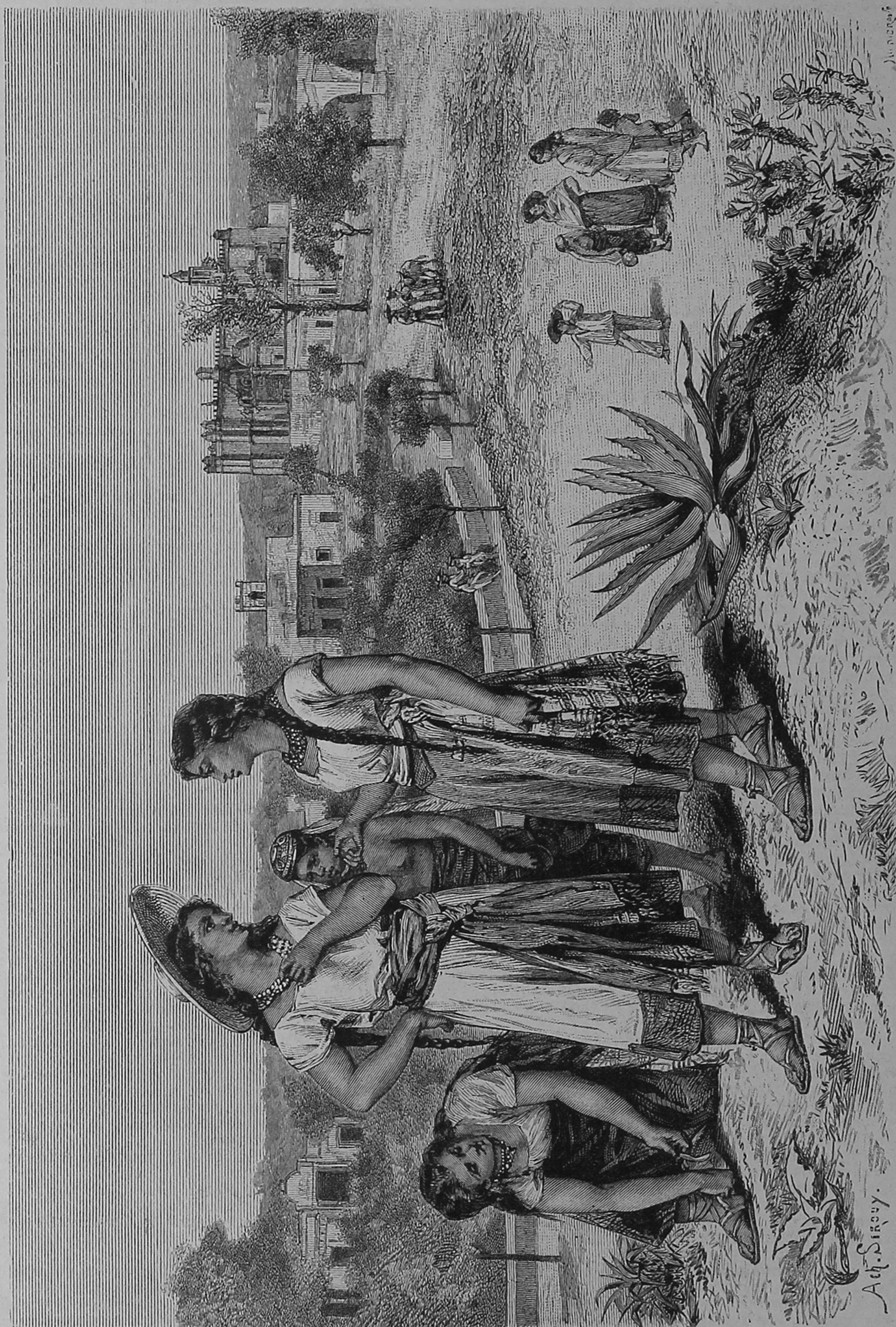
— Ваше королевское слово?

— Мое королевское слово!

— Благодарю васъ, мой король и повелитель! Благодарю отъ имени правосудія!

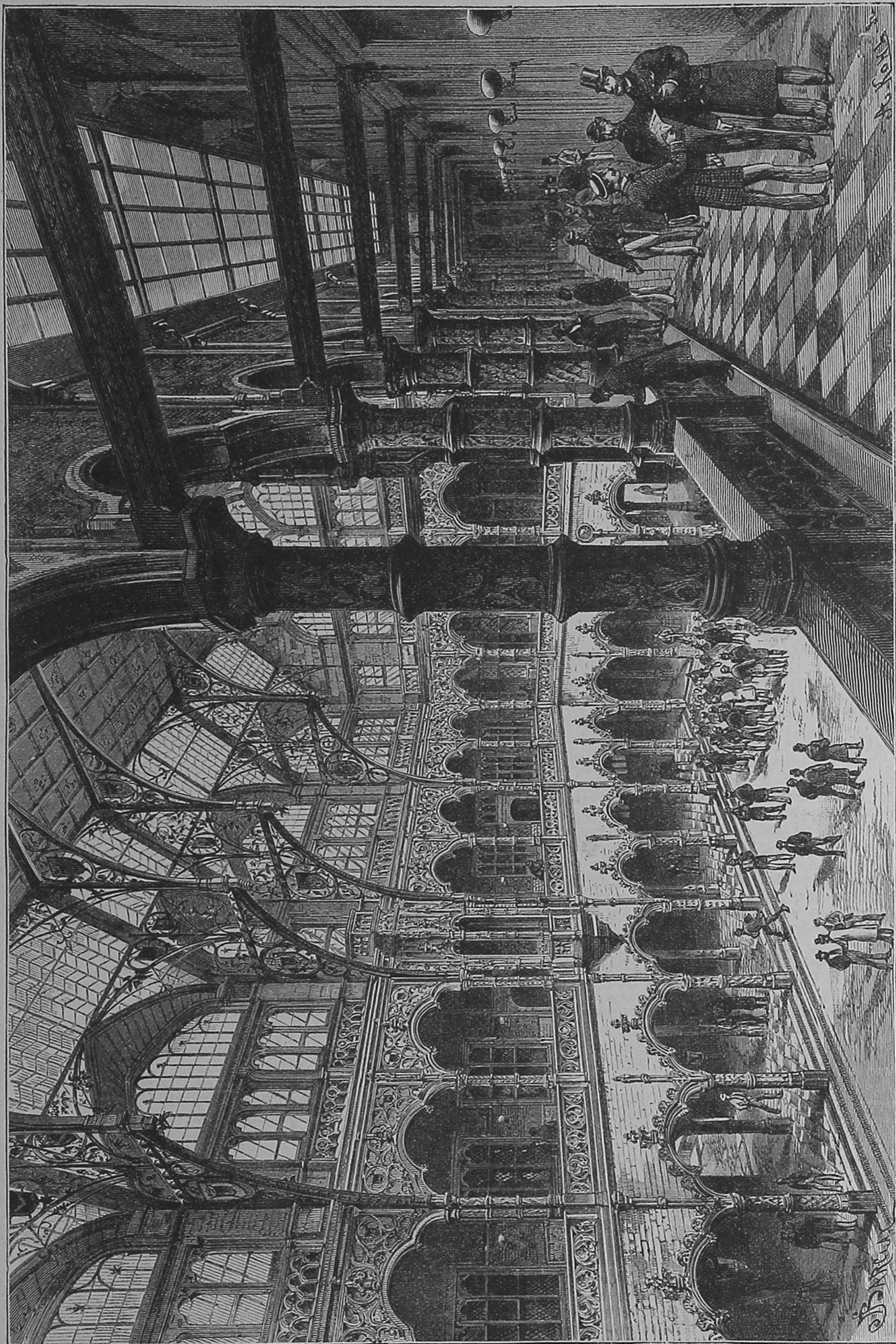
IX.

Торре-дель-Оро (золотая башня), древнее зданіе, нижняя часть котораго относилась еще къ временамъ римлянъ, а верхняя, болѣе узкая въ попечникѣ,—къ мавританской эпохѣ, служила сторожевой башней на берегу Гвадалквивира; прозвище свое она получила въ народѣ, по той причинѣ, что короли имѣли обыкновеніе хранить въ ней свои сокровища. На плацу, близъ этой башни и происходило засѣданіе суда двадцати четырехъ. Судьи помѣщались на тростниковыхъ скамейкахъ, разставленныхъ полукругомъ, въ серединѣ между ними, стояло

Дѣвушки изъ Тюль (въ Мексикѣ). Ориг. рис. Сору, грав. Гильдебрандъ.

Ач. Сору.

Внутренний видъ биржи въ Антверпенѣ. Ориг. рис. Барелл, грав. Колв.

нѣсколько болѣе высокое сидѣніе для президентовъ; обвинявшіе и обвиняемые входили и становились въ свободное пространство и полукружіе.

Вокругъ, обыкновенно, тѣснился народъ, сдерживаемый альгавилами и патрульными капралами, на такомъ разстояніи, на которомъ если онъ мало видѣлъ и слышалъ, за то, съ другой стороны, не мѣшалъ и судьямъ.

На этотъ разъ, нѣсколько вправо отъ полукруга, образуемаго скамейками судей, видно было какое-то возвышеніе, все задернутое чернымъ и возбуждавшее общее любопытство и судей и народа, очевидно не понимавшихъ его назначенія. Суды и народъ хорошо знали, что въ этотъ день предъ трибуналомъ предстанетъ и выслушаетъ свой приговоръ убійца патрульного капрала, Антоніо Гернандеца, но имя обвинявшаго было известно только президенту. Нетерпѣніе членовъ суда возросло до крайней степени, такъ какъ наступалъ часъ открытия засѣданія. Президентъ, донъ-Санхо Церборо, показался, держа въ правой руцѣ посохъ, знакъ своего достоинства и власти; раскланившись съ судьями, поднявшимися при его появлѣніи, онъ занялъ свое мѣсто, послѣ чего суды вновь сѣли на свои мѣста.

— Альгавиль Эстебанъ Авадеда! произнесъ донъ Санхо, громкимъ, повелительнымъ голосомъ.

— Я здѣсь, сенаторъ президентъ!

— Позовите въ колокольчикъ, чтобы дать знать, что засѣданіе началось.

Затѣмъ когда серебристый звукъ колокольчика затихъ, президентъ всталъ.

— Сенаторъ судья, донъ Авворо Веласкецъ!

— Я здѣсь, сенаторъ президентъ!

— Вы знаете, сенаторъ, обязанность вашу, какъ младшаго члена совѣта вентикуватрасъ?

— Знаю, сенаторъ президентъ,—обязанность служить посланцомъ суда.

— Хорошо, сенаторъ! садитесь на своего мула, поѣзжайте въ Альказарь и просите короля Кастилии и Леона, дона Педро, благоволить пожаловать въ судъ двадцати четырехъ.

Ропотъ изумленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ, суды вопросительно взглянули на президента.

— Вы слышали приказаніе суда, сенаторъ? строго спросилъ донъ Санхо.

— Да, сенаторъ президентъ, отвѣчалъ неувѣреннымъ голосомъ донъ Веласкецъ.

— Такъ выполняйте же его.

Судья поклонился, сѣлъ на мула и поскакалъ по направлению къ Альказару. Глубокое безмолвіе царствовало среди испуганной и удивленной толпы. Но послѣ непродолжительной паузы, народъ раздался и въ образовавшемся широкомъ проходѣ показался — предшествуемый посланцемъ — король на своемъ конѣ и въ сопровожденіи только одного своего любимца, дона Хуано де-Альбюкерка.

Сойдя съ коня передъ полукругомъ и давъ дону Хуану знакъ оставаться позади, онъ выступилъ впередъ.

— Судъ вентикуватрасъ, произнесъ онъ съ величавымъ достоинствомъ, пригласилъ меня, я—здѣсь!

При появлѣніи короля въ полукругѣ, президентъ и суды опустились на колѣни, затѣмъ президентъ и судья заняли свои мѣста.

— Донъ Педро, король Кастилии и Леона, провозгласилъ торжественнымъ тономъ президентъ, вставъ съ своего мѣста вновь и приподнявъ правую руку съ жезломъ,—вы приглашены предъ трибуналъ вентикуватрасъ, какъ обвиняемый въ убийствѣ патрульного капрала, Антоніо Гернандеца.

— Кто мой обвинитель? спросилъ король.

— Я! отвѣтилъ молодой голосъ и Хуанито вышелъ въ средину полукруга.

— Ты? сказалъ король съ улыбкой, но по его взгляду было видно, что юный красавецъ возбудилъ въ немъ живой интересъ.

— Кто ты? спросилъ президентъ.

— Меня зовутъ Хуанито Альваро; я сирота, отца своего еле помню, а мать, съ которой я жилъ въ горахъ въ нашей хижинѣ, умерла годъ тому назадъ; недавно я поступилъ въ домъ дона Базилья Оригуела, въ улицѣ дель-Каридадъ.

— Подойди ближе, Хуанито Альваро, и изложи свое обвине-

ніе; но взвѣсь каждое свое слово! Ложному доносчику отрубается, чрезъ палача, конецъ языка! строго произнесъ донъ Санхо.

— Я знаю это, сенаторъ президентъ, мнѣ ужъ это говорено; но то, что я скажу—истинная правда. Да будетъ мнѣ свидѣтельницей въ томъ Пречистая Дѣва Марія!

Приблизившись къ президенту и ставъ предъ королемъ, Хуанито, среди глубокой тишины, рассказалъ слѣдующее:

— Это было нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, навѣрно не знаю сколько, но только помню, что утромъ, я искалъ въ Рондо лечебныхъ травъ для цирюльника деревни Пенадесь, Алонзо Кохера, которого зналъ и который иногда давалъ мнѣ для моей матери то муки, то овечьей ветчины, то бобовъ, а ужъ всегда—мелкой монеты; какъ разъ на той тропинкѣ, около которой я копошился, я увидалъ дона Санхо Церборо на его мула, а за нимъ—важнаго кабаллера, верхомъ на великолѣпномъ и багато убраннымъ жеребцѣ.

Я очень хорошо знаю дона Санхо Церборо; домикъ моей матери стоялъ недалеко отъ его дома; такъ какъ я рѣдко видалъ сенаторовъ кабаллеровъ, то, конечно, вышелъ изъ-за скалы, за которой сидѣлъ и въ волю наглядѣлся на кабаллера, а когда немного дальше, онъ слѣзъ, чтобы напиться у источника близъ тропинки, пока донъ Санхо держалъ его лошадь, я забѣжалъ, позади кустарника и скалы, и подошелъ такъ близко къ ручью, что могъ бы рукой дотронуться до ногъ кабаллера.

Въ диво мнѣ были камзолъ его, богатый плащъ, перья на шляпѣ; очень мнѣ понравился его охотничій рогъ, весь обѣланный въ золото и блеставшій на солнцѣ; онъ изъ него и напился воды, а когда его бралъ, такъ на одномъ изъ пальцевъ сверкнулъ дорогой перстень, отъ всего его платья пахло чудными жасминовыми духами.

Кабаллера опять потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ дальше съ дономъ Санхо.

Скоро вслѣдъ затѣмъ продавцы моловъ взяли меня съ собой изъ Пенады въ Севилью; они думали, что я ужъ найду тамъ себѣ службу.

Я и поступилъ къ дону Базиліо, въ улицу Каридадъ, и вотъ какимъ образомъ: около Гиральды (соборная башня) меня встрѣтилъ одинъ разъ какой-то почтенный старый сенаторъ; онъ оглядѣлъ меня серьезнымъ взглядомъ и спросилъ: ты, юноша, изъ горъ?

— Да, сенаторъ! отвѣчалъ я.

— Желаешь поступить на какуюнибудь службу?

— Охотно, сенаторъ! есть у васъ что-либо для меня?

— Есть, отвѣтилъ онъ,—пойдемъ!

Я пошелъ за нимъ и мы вошли въ большой домъ, въ улицѣ дель Каридадъ.

— Я—донъ Базиліо Орихуэла, сказалъ мнѣ тамъ сенаторъ,—а это, вотъ, донна Консепсіонъ,—и при этомъ онъ указалъ на сердитую старуху, которая пришла въ комнату, двигаясь съ большимъ трудомъ,—она скажетъ, чтобъ тебѣ надо тутъ дѣлать и ея ты обязанъ слушаться; она же дастъ тебѣ новый камзолъ и будетъ давать ёсть, пить и по одному реалу въ недѣлю.

И затѣмъ, сенаторъ ушелъ въ свои комнаты, а меня оставилъ наединѣ съ донной Консепсіонъ.

Донъ Базиліо—надо вамъ сказать—холостой и бездѣтный, а донна Консепсіонъ, сердитая старуха, которая меня гоняла по дѣнѣмъ днамъ и давала очень мало ёсть, донна Консепсіонъ—дуэнья дома дона Базиліо.

Кто такой былъ мой господинъ, навѣрное я не могу сказать, но кажется что—ученый, потому что постоянно сидѣлъ въ своихъ комнатахъ надъ пергаментами, которыми былъ заваленъ его столъ; въ комнаты его мнѣ было запрещено входить, но однажды я заглянулъ туда тайкомъ; съ того дня что онъ встрѣтилъ меня и нанялъ около Гиральды, я его видѣлъ всего одинъ разъ, какъ сейчасъ услышите; сколько знаю, онъ изъ дома больше не выходилъ, кстати тутъ скажу, что донъ Хуанъ, въ тотъ разъ у Гиральды, разговаривалъ съ одной старой крестьянской, но которая—когда я заглянулъ ей въ лицѣ—показалась мнѣ переодѣтой знатной молодой сенаторой.

— Карамба, проговорилъ король,—что бы это значило? Однако, какой наблюдательный глазъ у этого юноши!

(Окончаніе въ слѣд. №).

Трагическія похороны.

Разсказъ Фр. Коппе.

Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ онъ исполнялъ третью роли на „boulevard du Crime“ и его рѣзкій голосъ, орлиный носъ, его зловѣщѣ свѣтившіеся глаза сдѣлали изъ него даже не дурнаго актера на эти роли. Впродолженіи двадцати пяти лѣтъ въ костюмѣ Круглоголоваго, стянутый поясомъ Мордаунта изъ бурой кожи, онъ отступалъ, походкой раненаго скорпиона передъ д'Артальяномъ: задрапированный въ грязный халатъ Родена, потирая свои сухія руки, шепча ужасное: „Terrible! Terrible!“ и сидя въ креслѣ герцога д'Эсте, говорилъ Лукреціи Борджіа, адски косясь на нее: „Постарайтесь не ошибиться... Золотой флагонъ, madame!“ Когда, предшествуемый трепетала и

переводила дыханіе лишь въ ту минуту, какъ јеune-premier говорилъ ему наконецъ: „Теперь—наши счеты!“ послѣ чего убивалъ его для полнаго торжества добродѣтели.

Но этотъ родъ успѣха, вызывающій лишь возгласы негодований и ужаса—не изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ драматическую карьеру особенно привлекательной, да вдобавокъ старый актеръ всегда таилъ въ глубинѣ своей души буржуазный идеалъ, какъ и большинство актеровъ. На склонѣ днѣй онъ желалъ, какъ разжившійся лавочникъ, завоевать себѣ довольство и уваженіе, деревенскій домикъ, близъ котораго, въ садовой бесѣдкѣ, сидѣть вся семья за только что сорванной дыней; зимой вечеринки съ пирогомъ; желалъ чтобы дочь воспитывалась въ мо-

настырь, сынъ носилъ мундирчикъ политехнической школы, мечталъ объ орденѣ Почетнаго Легіона.

Когда мы имѣли случай познакомиться съ нимъ, онъ уже почти осуществилъ свои мечты.

По случаю распаденія театральной труппы, въ которую онъ былъ съ давнихъ поръ приглашена, капиталисты вспомнили о немъ, чтобы возобновить предпріятіе. Благодаря порядку, здравому смыслу, большой актерской практикѣ и довольно вѣрному литературному инстинкту, изъ него вышелъ превосходный директоръ театра. Онъ владѣлъ процентными бумагами, виллой въ Монморанси; сынъ его оканчивалъ курсъ въ Saint-Barbe; дочь только что вышла изъ Oiseaux; и если козни мелкой прессы задерживали получение ордена, каждый годъ напоминала около 1-го января, о его былыхъ сценическихъ роляхъ, онъ во всякомъ случаѣ могъ разсчитывать, что скоро получить красную ленточку. Онъ твердо сохранилъ нѣкоторыя привычки актера: говорилъ всѣмъ *ты* и красилъ усы; но будучи на самомъ дѣлѣ добрымъ, честнымъ и услужливымъ, пріобрѣлъ уваженіе и дружбу всѣхъ близкихъ. Поэтому нѣть ничего удивительного, что весь драматический міръ былъ искренно опечаленъ, узнавъ объ ужасномъ горѣ, постигшемъ этого добрачаго человѣка. Его дочь, дѣвушка семнадцати лѣтъ, вдругъ умерла отъ воспаленія въ мозгу.

Мы знали какъ онъ обожалъ этого ребенка, какъ онъ ее воспитывалъ въ самыхъ строгихъ правилахъ семьи и религіи, далеко отъ театра, почти также, какъ Трибулѣ пряталъ свою дочь Бланшъ въ маленькомъ домикѣ переулка Бюси. Мы догадывались, что онъ возлагалъ всѣ свои честолюбивыя надежды на это очаровательное созданіе, которое такъ близко отъ кулисъ выросло невиннымъ и чистымъ. Вѣдь случается, что среди чахлыхъ травъ предмѣстья, у дверей грязнаго притона вырастаетъ прелестный полевой цветокъ.

На пригласительный билетъ съ черной каемкой, мы явились въ числѣ первыхъ.

Передъ домомъ, гдѣ лежала покойница, толпилась уличная чернь, привлеченнная пышностью похоронъ первого разряда, которые заказалъ самъ старикъ актеръ, сохранивъ любовь къ сценической постановкѣ, даже и въ горькія минуты. Великолѣпный катафалкъ и множество траурныхъ каретъ, съ драпированными въ черное лошадьми, тѣснилось вдоль тротуара, а въ дверяхъ, подъ тѣнью тяжелыхъ драпировокъ, украшенныхъ серебрянымъ галуномъ, въ блескѣ горящихъ свѣчей, выдѣлялся массивный гробъ, покрытый бѣлымъ и украшенный букетами пармскихъ фіалокъ. Пробираясь сквозь толпу, мы скоро замѣтили группы лошадей, тоже ожидающихъ, когда шествіе тронется. Почти всѣ парижскіе актеры и актрисы были налицо и пришли отдать послѣдній долгъ дочери своего товарища. Ничего конечно не могло быть естественнѣе этого; но тѣмъ не менѣе мы испытывали странное чувство, глядя на это соборище лицъ, тронутыхъ закулисной порчей, вокругъ гроба этой чистой молодой дѣвушки, послѣдній вздохъ которой вылетѣлъ въ молитвѣ.

Всѣ они были тутъ: первыя роли, комики, любовники, измѣнники; не было недостатка въ субреткахъ, кокеткахъ и *ingénus*. Благородный искатель приключений безсодержательныхъ мелодрамъ, въ пальто-сакѣ и фетровой шляпѣ, изъ-подъ которой падали сѣдые волосы, стоялъ у лавочки, прислонясь къ ставню, въ привычной позѣ, скрестивъ на груди свои красивыя руки; въ то время какъ маленький старичекъ, съ наружностью балаганнаго шута, держалъ его за пуговицу и о чёмъ то живо разговаривалъ тѣмъ растянутымъ и дряблымъ голосомъ, который такъ часто смѣшилъ насъ въ театрѣ. Рядомъ съ маститымъ любовникомъ, который былъ затянутъ въ очень короткій рединготъ и узкія панталоны со штрипками и вѣзвалъ затянутой въ перчатку рукой свои необыкновенно черные волосы—стоялъ красавецъ-гуляка, громаднаго роста, въ бархатной черной шляпѣ и высокихъ ботфортахъ, очевидно не желавшій даже и въ этотъ день отказаться отъ эксцентричности своего костюма. Всѣ эти патетическія, грациозныя и насыщеныя головы, на которыхъ мы привыкли смотрѣть въ освѣщеніи сценическаго обмана—казались такими печальными, старыми и утомленными въ это сѣро-зимнее утро! Подбородки отливали синевой отъ частаго бритья, волосы были рѣдки и сухи отъ горячихъ щипцовъ, кожа шероховата—отъ Ѣдкихъ притираний; а глаза—неподвижны, испорчены блескомъ лампъ, мигали и походили на глаза ночныхъ птицъ, встревоженныхъ солнцемъ.

Особенно жалкій видъ имѣли женщины. Принужденныя, вслѣдствіе такого обстоятельства, встать очень рано и не найдя времени тщательно заняться мелочами туалета, онѣ стояли группами въ пять—шесть человѣкъ, дрожа и кутаясь въ мѣховыхъ ротондахъ, муфты и тройныя черныя вуалетки. Ихъ нельзя было узнать и нужно было нѣкоторое усиленіе мысли, чтобы найти въ нихъ хоть слѣдъ воспоминанія о томъ очарователь-

номъ сералѣ парижскихъ театровъ, который каждый вечеръ выставляется на показъ многочисленной публикѣ.

На этихъ очаровательныхъ лицахъ виднѣлись слѣды утомленія и прожитыхъ лѣтъ. Однѣ были болѣзненно худы, другія тяжелы и болѣзненно тучны. Губы—блѣдны, глаза съ—свинцовыми кругами; въ особенности страшенъ былъ цвѣтъ лица: ровный, мертвенный, какъ у отравленныхъ—слѣдствіе растительныхъ румянъ и бѣлілъ. Вотъ эта толстая женщина, похожая на жену буржуа—исполняла роли жестокихъ и безсердечныхъ королевъ въ крупныхъ романтическихъ пьесахъ; а эта маленькая блѣдная блондинка, прикрытая кружевами, которую бы такъ удачно дополнилъ свертокъ изъ вощенаго холста учительницы музыки,—была прелестной простушкой и всѣ водевилисты выдавали ее замужъ въ концѣ своихъ пьесъ. Виды были кромѣ того и взгляды лоретокъ, умирающихъ въ больницѣ, головы похожія на старую переписчицу въ Луврѣ, мелькали улыбки Селимѣнъ изъ „Плакси мертвцевъ“.

Въ скоромъ времени приѣхали въ фіакрахъ должностныя лица театральной администраціи, въ черныхъ фракахъ и черныхъ перчаткахъ, съ официально печальными лицами; молодые репортеры, высокочки газетнаго міра, сущіе всюду своей носъ и все заносящіе въ книжку; драматические авторы, понедѣльничные фельетонисты—и затѣмъ всѣ эти утомленныя и притупленныя ночные существа, которыхъ принято называть „le Tout-Paris des premières“ *).

Составились болѣе тѣсныя группы, завязались разговоры. Нашлись старые пріятели. Обмѣнивались рукопожатіями; благодаря обстоятельствамъ, лица опять радушно улыбались; женщины цѣловались сквозь вуаль.

По дорогѣ можно было разслышать отрывки изъ разговоровъ, въ родѣ слѣдующихъ: „когда идетъ поѣздъ туда то?“ „Ты вчера былъ въ бенуарѣ Variétés?“ Слышалась закулисная терминология: „мои средства“, „моя фигура“, „мой charme.“ Обѣдывались даже дѣла. Новый директоръ былъ окружено цѣлой толпой: одна старая актриса хлопотала о своемъ бенефисѣ.

Вдругъ толпа заволновалась. Факельщики поставили гробъ на катафалкъ и молодая дѣвушка изъ братства Дѣвы Маріи, откуда была и покойница, покрытая бѣлымъ, становилась въ два ряда по бокамъ погребальной колесницы. Предшествуемый распорядителемъ церемоніи, въ шелковыхъ чулкахъ и съ треуголкой въ рукахъ, на тротуарѣ показался несчастный отецъ, въ глубокомъ траурѣ, въ бѣломъ галстухѣ, совершенно убитый горемъ. Его вели подъ руки друзья.

Поѣздъ двинулся и подѣхалъ къ церкви, которая была близко.

Шла большая обѣдня, подъ звуки церковнаго органа и шла очень долго. Въ церкви было душно; народу была масса и никто не обращалъ вниманія на службу. Люди, узнавшіе другъ друга лишь въ этой толпѣ, обмѣнивались легкими кивками головы; велись разговоры въ полголоса; иные изъ молодыхъ актеровъ становились въ позы, поворачивались въ сторону женщинъ и возгласу священника: „Dominus vobiscum“ вторили отхаркиванія и кашель. Съ возвышенія, за алтаремъ раздался прекраснѣйшій ріе Jesu, пропѣтый знаменитымъ баритономъ, который никогда не пѣлъ еще съ такимъ чувствомъ. Въ дальнихъ углахъ церкви мелкіе обыватели квартала, привставая на цыпочки и держась за балюстраду, показывали другъ другу пальцемъ на знаменитостей сцены.

Когда служба отошла, потянулась длинная процессія и всѣ тронулись къ выходу—брзнутъ нѣсколько капель святой воды на гробъ и пожать руку старому актеру, который, разбитый отчаяніемъ, едва держа шляпу въ рукахъ, прислонился къ колоннѣ.

Это была самая ужасная минута.

Увлеченные привычкой „играть роль“, всѣ эти люди театральныхъ подмостокъ вложили въ чувство своей симпатіи къ другу характеръ своей профессіи. Премьеръ выступалъ важно и нѣсколько повернувшись голову въ сторону, какъ бы „посылая вызовъ судѣ“, произнося: „не надо падать духомъ.“ „Комикъ“ подходилъ, качая головой, при чемъ прыгали щеки и бормоталъ: „Ахъ моя бѣдная старушка!“ А царица фееріи, охваченная нѣжной чувствительностью изящной дамы кидалась на шею несчастнаго отца, а онъ съ отекшими глазами и опавшей губой чернилъ ея лице и ея руки въ бѣлыхъ перчаткахъ краской своихъ усовъ, которые полиняли отъ слезъ.

Одновременно съ этимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дикой и грозной сцены—виднѣлись, какъ послѣднее слово антitezы—бѣдная дѣвушка братства Маріи на колѣньяхъ, возлѣ гроба своей подруги. А кругомъ гудѣль и шумѣль ненасытный громадный тысячеголовый звѣрь—Парижъ—всѣми своими улицами, грохотомъ своихъ экипажей, звономъ церквей, проклятіями и молитвами.

Рихардъ Вагнеръ.

Очеркъ Н. Е. Соловьевъ.
(Професора Спб. Консерваторіи).

Послѣдніе годы жизни Вагнера были прямымъ контрастомъ пережитаго раньше времени. Съ каждымъ истекающимъ годомъ

Вагнеръ все болѣе и болѣе удалялся отъ своего прошлаго, пол-

* Весь Парижъ первыхъ представлений.

наго горькихъ испытаний, и приближался къ периоду самаго пріятного существованія, полнаго семейныхъ радостей, материального довольства, художественного удовлетворенія. Вагнеръ послѣдніе годы переживалъ тотъ периодъ славы, который слѣдуетъ за смертью композитора: онъ при жизни былъ оцененъ по достоинству. Неудачная первая женитьба на актрисѣ, которая совершенно не понимала и не цѣнила стремленій Вагнера, считая его дѣятельность эфемерною, смѣнилась, послѣ втораго брака на дочери Листа, счастливою семейною жизнью. Послѣдніе годы Вагнеръ былъ окружены нѣжною любовью своей семьи. Бѣдственное существованіе, скитальческая жизнь, насмѣшки большинства — смѣнились жизнью, полной роскоши и славы. Его прошлое не могло не оставить нѣкоторыхъ следовъ въ его характерѣ: онъ былъ крайне вспыльчивъ. Но разъ сознавъ свою ошибку, Вагнеръ спѣшилъ исправить ее и первый винилъ себя въ ней. Долгая борьба изъ-за своихъ художественныхъ идей, которую онъ велъ съ невѣроятной энергией, и наконецъ успѣхъ, развили въ немъ уверенность въ своихъ заслугахъ, нелишнюю нѣкотораго высокомѣрія. Вагнеръ, испытавшій столько нападковъ отъ критики, навсегда сохранилъ къ ней враждебное чувство. Но въ сущности онъ былъ добраго характера. Крайняя привѣтливость, преданность ко всѣмъ ему сочувствовавшимъ были отличительными чертами этого человѣка, который оставилъ въ своихъ друзьяхъ самое теплое воспоминаніе.

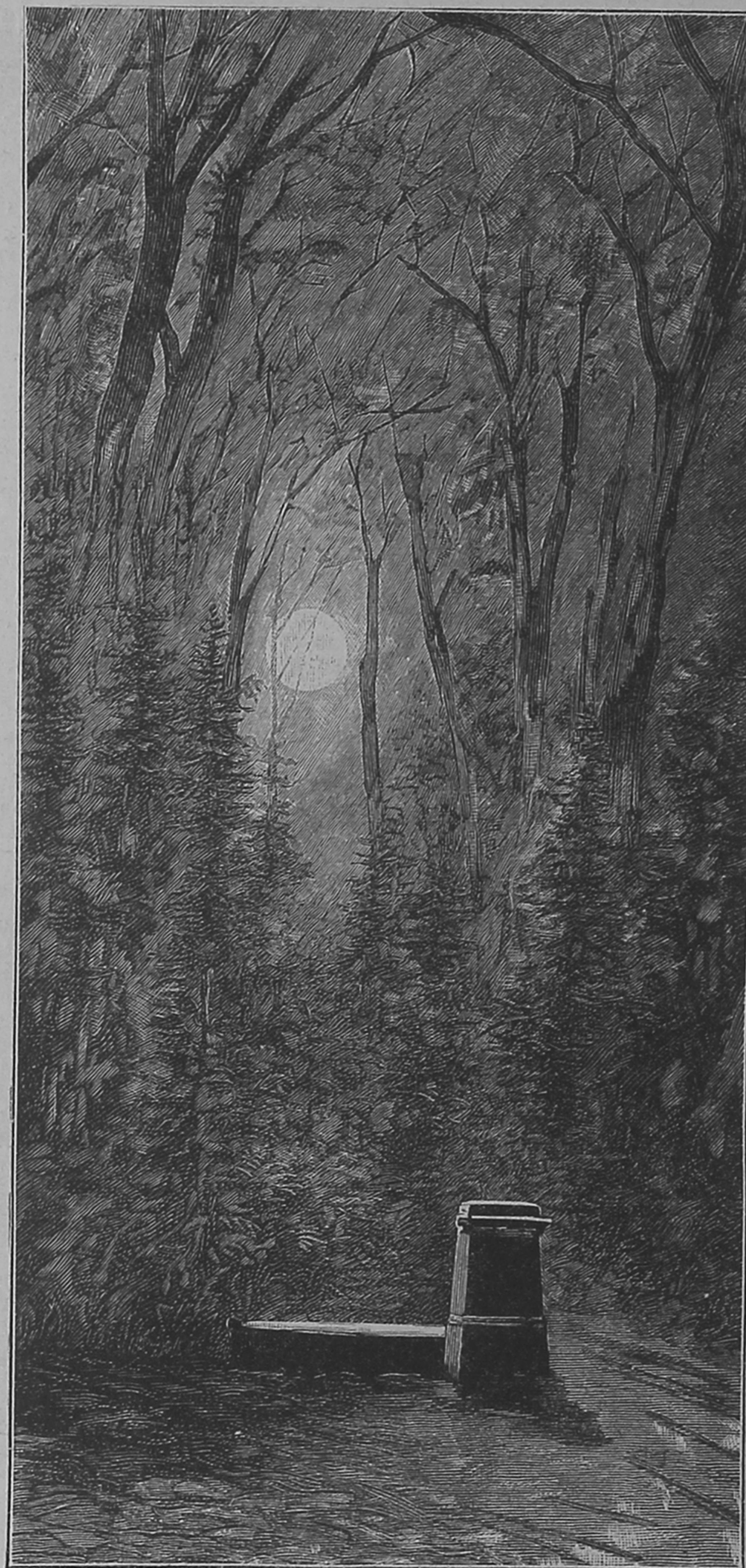
Это былъ всесторонне образованный художникъ, никогда не посвящавшій своего времени исключительно музыкальнымъ занятіямъ. Интересуясь какимъ нибудь предметомъ, онъ знакомился съ fond со всей его литературой, слѣдствіемъ чего и была чрезвычайно обширная, разнообразная и богатая библиотека, какъ музыкальная, такъ и литературная, помѣщавшаяся въ его роскошномъ домѣ, Ванфридѣ въ Байрейтѣ. Кстати скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ небольшомъ роскошномъ дворцѣ Вагнера. Двухъэтажный домъ съ лицевой стороны украшенъ миѳической картиной, которой фигуры были портретами его жены, Козими, сына, маленькаго Зигфрида, и нѣсколькихъ артистовъ. По бокамъ изображенія помѣщены слѣдующіе стихи Вагнера:

Hier wo mein Wahn Frieden fand—
„Wahnfried“ sei dieses
Haus genannt.

приблизительный смыслъ которыхъ заключается въ томъ, что Вагнеръ называетъ свое жилище мѣстомъ успокоенія, такъ какъ тутъ его мечты нашли покой. Входъ ведетъ въ большой высокій залъ, освѣщенный сверху, украшенный по стѣнамъ фресками изъ „Нибелунговъ“ и бюстами главныхъ дѣйствующихъ лицъ изъ его оперъ: „Лоэнгрина“, „Тангейзера“, „Тристана“. Тутъ же красовались бюсты самого Вагнера и его жены. Въ этомъ залѣ происходили спѣвки, для которыхъ поставлены были рояль Стейнвейе и органъ Эстей. По бокамъ залы помѣщались: будуаръ его жены и столовая. Въ будуарѣ была собрана цѣлая коллекція поднесенныхъ подарковъ и пожалованныхъ орденовъ

Вагнеру. Всю эту коллекцію онъ называлъ въ шутку своими трофеями.

За заломъ Vorhalle, помѣщался другой обширный залъ съ библиотекой, которой каждая книга была роскошно переплетена. До красивыхъ переплетовъ Вагнеръ былъ большой охотникъ. Тутъ же стоялъ рояль Бехштейна, многочисленная, самая разнообразная мебель; полъ укрывалъ былъ коврами и огромною шкурою бѣлаго медведя. За рабочимъ столомъ въ этой комнатѣ Вагнеръ занимался корреспонденцію, почему эта комната и носила название рабочей. Но въ сущности настоящая его рабочая комната находилась въ верхнемъ этажѣ и не была доступна ни для кого. Въ ней Вагнеръ работалъ ежедневно почти съ 6 часовъ утра до 12. Нижняя же рабочая комната служила скорѣе для приема гостей. Вагнеръ называлъ ее по нѣмецки saal и терпѣть не могъ, когда его saal называли по французски salon. У себя дома Meister (такъ называли Вагнера всѣ его окружающие) расхаживалъ въ старо-германскомъ костюмѣ, сильно напоминавшемъ костюмъ доктора Fausta. Радумѣется при гостяхъ этотъ костюмъ мѣнялся на простой сюртукъ, большой шелковый галстукъ, которые онъ носилъ довольно неряшливо, не замѣчая иногда, напримѣръ, что воротникъ сюртука завернувшись торчитъ кверху. Съ гостями онъ былъ крайне привѣтливъ, любилъ шутить и въ особенности былъ охотникъ слушать всевозможные, даже самые незатѣлливые анекдоты, которые возбуждали въ немъ неподдельный хохотъ. Самъ же рассказывать забавныя вещи былъ далеко не мастеръ. Но за то, когда разговоръ заходилъ о вещахъ, глубоко затрагивавшихъ Вагнера, рѣчь его становилась увлекательною, онъ вдохновлялся, забывалъ все окружающее, впадалъ, такъ сказать, въ трансъ. Тогда сила его рѣчи была неотразима. Всѣ въ Байрейтѣ просто обожали своего Meisterа. Всюду въ витринахъ виднѣлись его портреты разныхъ величинъ. Изображеніе Вагнера можно было встрѣтить на конфектахъ, галстукахъ и проч. Гдѣ бы онъ ни являлся, сопровождала его толпа. Пивная Ангермана, въ Байрейтѣ, куда Вагнеръ хаживалъ, всегда была переполнена во время его посѣщенія. Тамъ онъ имѣлъ свою постоянную хрустальную кружку (Seidel) съ серебряной крышкой. Ему прислуживала кельнерша, которая въ честь героини трилогіи называлась Брунгильдо. Въ четыре часа — время посѣщенія Вагнеромъ пивной, любопытные туристы стекались въ пивную посмотретьъ на излюбленнаго обитателя Байрейта. Говоря о домѣ Вагнера, мы забыли упомянуть еще объ одной ея комнатѣ, весьма курьезной, называвшейся канцеляріей „Нибелунговъ“. Въ этой „канцеляріи“ друзья Вагнера, какъ-то, Іосифъ Рубинштейнъ, Зейдль, (въ настоящее время капельмейстеръ вагнеровской труппы Неймана), капельмейстеры Мотль, Цумпе и проч. выписывали изъ партитуры оркестровые голоса, такъ какъ Вагнеръ, во избѣженіе ошибокъ, не рѣшался поручить переписку копистамъ. Къ дому Вагнера примыкалъ садъ, въ которомъ знаменитый музыкантъ и похороненъ въ настоящемъ

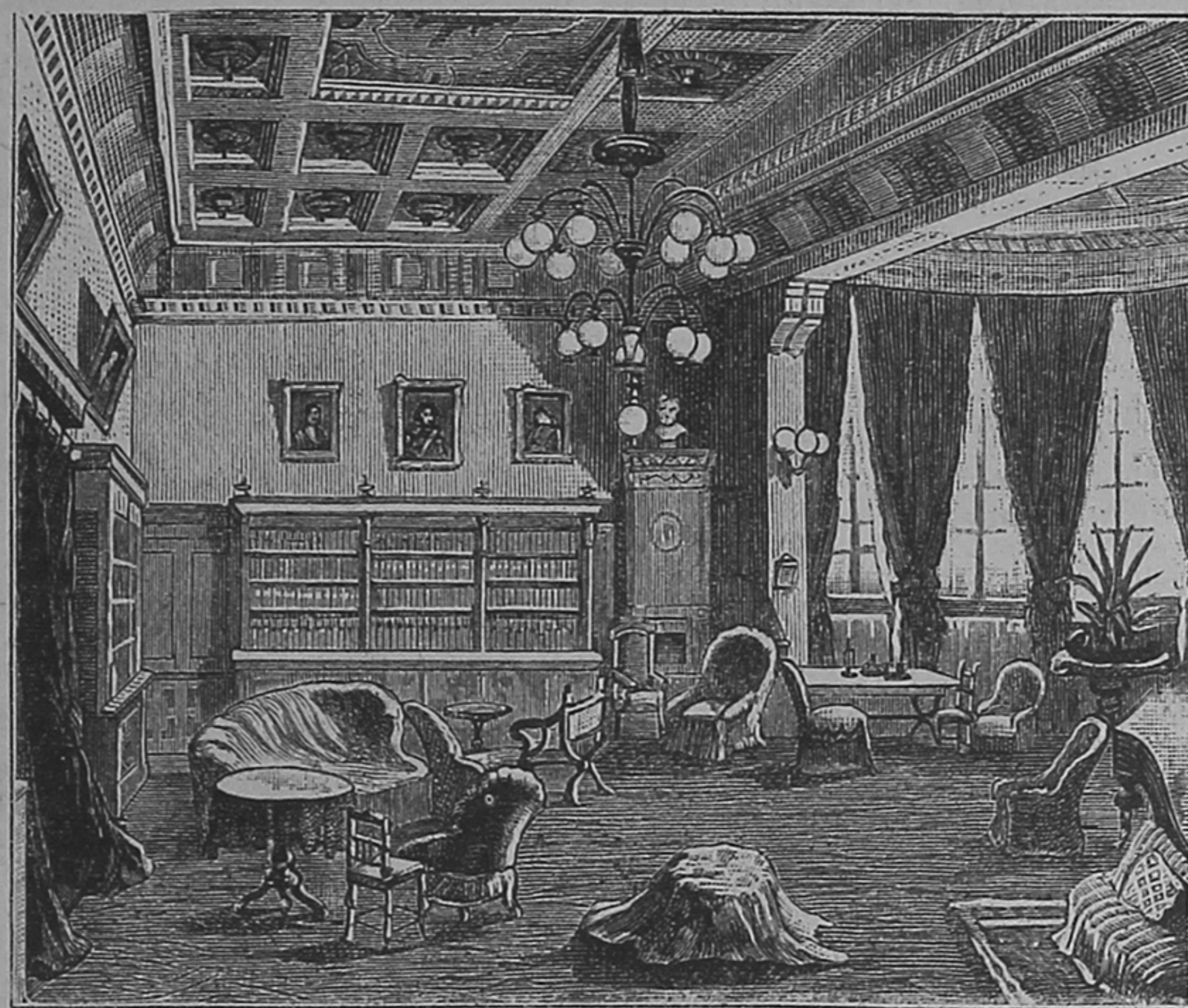

Гробница Вагнера въ паркѣ виллы Ванфридъ.

время. Еще задолго онъ выбралъ мѣсто упокое-
нія для себя и своей
жены. У подножія этихъ
могиль нѣсколько лѣтъ
тому назадъ можно было
видѣть каменную доску
съ надписью: "Здѣсь ле-
житъ Рустъ и ждетъ".
Подъ этой доской зары-
та любимая собака Ваг-
нера. Всѣ послѣдніе годы
Вагнеръ проводилъ въ
Байрейтѣ, гдѣ работалъ
неустанно.

Какъ мы выше упоми-
нали, Вагнеръ сочинялъ
всегда рано утромъ.
Образы незабвенныхъ
для него пѣвицы Шре-
деръ-Деврентъ и тенора
Тихачека, съ которыми
такъ тѣсно связана была
его художественная дѣя-
тельность, не покидали
его. Писавши партіи, онъ
всегда вспоминалъ объ
этихъ артистахъ, ихъ го-
лоса такъ глубоко запали
въ память Вагнера, что
создавая роль, онъ всег-
да какъ бы слышалъ тотъ
или другой голосъ. Пи-
салъ свои сочиненія онъ,
какъ и покойный А. Н.
Сѣровъ, сперва въ видѣ эскизовъ, въ которыхъ помѣщалъ пар-
тію голоса и самъ выдающіяся мѣста оркестроваго сопровож-
денія, такъ что, смотря по надобности, его эскизъ занималъ
одну, двѣ, три и болѣе потныхъ строки.

Затѣмъ онъ прямо принимался за партитуру, которую пи-
салъ четко, безъ помарокъ. Свои эскизы онъ игралъ съ тру-
домъ и преимущественно давалъ проигрывать гиѣздившимся
около него музыкантамъ. Вообще Вагнеръ игралъ на форте-

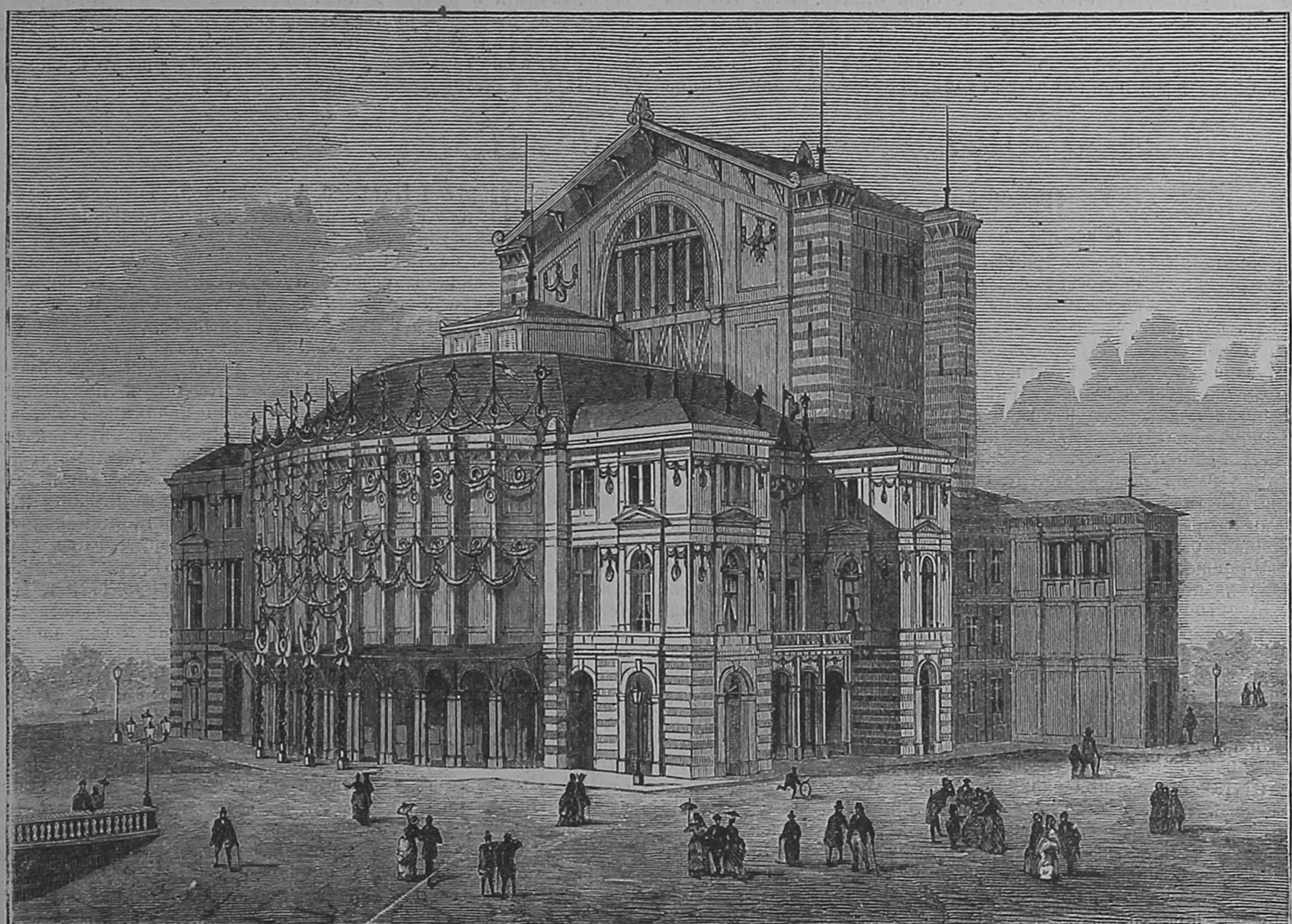

Рабочій кабинетъ Рихарда Вагнера въ Ванфридѣ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

нія. Понимая, что капельмейстеръ долженъ стоять лицомъ къ оркестру, и слѣдить за его движениями, Вагнеръ первый сталъ дирижировать, обернувшись къ публикѣ спиной. Это нововведеніе, сперва странно поражавшее публику, сдѣжалось въ настоящее время общеупотребительнымъ. Обладая замѣчательной памятью, Вагнеръ во время дирижировки не пользовался партитурой, пора-
жая всѣхъ знаніемъ мельчайшихъ ея подробностей. Его дирижи-
ровка отличалась замѣчательной ритмичностью. Во время дири-

шано плохо и не былъ
хорошимъ акомпаньто-
ромъ. Разъ какъ то при
своемъ другѣ Листѣ, въ
кругу своей семьи, Ваг-
неръ игралъ какую то
вещицу Моцарта съ не-
вѣроятнымъ дуатѣ. Замѣти, что Листъ съ лю-
бопытствомъ смотрѣтъ па
его руки, Вагнеръ не
преминулъ подшутить
надъ своей игрой. „Смот-
рите, сказалъ онъ, какъ
Листъ глядѣтъ на мое
дуатѣ! Онъ вѣроятно хо-
четъ чѣму нибудь отъ
меня научиться!“ Далеко
не будучи виртуозомъ
на фортепіано, Вагнеръ
былъ настоящимъ вир-
туозомъ - капельмейсте-
ромъ.

Подъ его управлениемъ
оркестръ до единаго че-
ловѣка заражался вдох-
новленностью самого ка-
пельмейстера. Исполне-
ніе становилось рѣдкимъ
по своей жизненности
и неподражаемымъ по
увлекательности. Каждому исполнителю онъ
умѣлъ своей мимики
сообщить силу выраже-

Театръ Вагнера въ Байрейтѣ, въ Баварії. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

жировки, Вагнеръ иногда до того увлекался исполняемымъ, что, забывая все окружающее, даже то, что онъ диригируетъ, прекращалъ ведение оркестра. Музыкальный вкусъ его былъ весьма различенъ: онъ чтилъ Бебера, Моцарта, Глюка, Глинку, Сѣрова, Верди, Россини, Берліоза, Шопена, очень любилъ баллады Леве и, что весьма странно, неособенно дружелюбно относился къ сочиненіямъ Шумана. Брамса тоже не долюбливалъ. „Я думаю, говоривъ Вагнеръ, что на моихъ похоронахъ не будутъ пѣть немецкаго реквиема (Брамса)“. Танцы Іоганна Штрауса пользовались большими симпатіями Вагнера. Выше всего въ музыкѣ онъ ставилъ 9-ю симфонію Бетховена, которая и была исполнена подъ его управлениемъ при закладкѣ вагнеровскаго театра въ Байрейтѣ.

Вагнеръ былъ того убѣжденія, что опера въ Германіи находится подъ сильнымъ иностраннмъ давленіемъ, и что въ Германіи национального оперного искусства въ недалекомъ прошломъ не было. Писать музыку безъ идеи, сюжета, было для Вагнера почти невозможнно. Вотъ чѣмъ можно объяснить крайне неудачный американскій маршъ, написанный имъ по заказу для бывшей всемирной выставки въ Филадельфіи.

Вагнеръ постоянно работалъ. Одна работа, такъ сказать, перегоняла другую. Сюжеты будущихъ оперъ у него созревали въ то время, когда онъ былъ занятъ оперою уже предпринятою. Онъ не успѣвалъ вполнѣ окончить оперы, какъ уже въ его головѣ складывался планъ для нового творенія. Такая непрерывная цѣль дѣятельности не покидала его почти впродолженіи всей жизни. Работая въ Байрейтѣ, напримѣръ, надъ партитурою „Парсивала“ въ 1876 году, онъ уже готовилъ либретто для своей новой оперы „Будда“. Какъ известно, Вагнеръ всегда самъ писалъ тексты для своихъ оперъ и отказывался отъ предлагаемыхъ ему чужихъ текстовъ, шутливо объясняя свой отказъ тѣмъ, что онъ его дѣлаетъ изъ зависти какъ либреттистъ.

Но въ Байрейтѣ былъ еще болѣе цѣнны для Вагнера другой домъ—это его театръ, построенный вблизи города, на мѣстности болѣе возвышенной. Это громадное зданіе, выстроенное

подъ руководствомъ и по указаніямъ самого Вагнера, можетъ считаться образцомъ новѣйшихъ театровъ. Разумѣется, говоря это мы не имѣемъ въ виду роскоши и убранства, которыя въ этомъ театрѣ отсутствуютъ. Всѣ нововведенія въ немъ примѣнены; кроме того оркестръ, по идеѣ Вагнера, совершенно скрытъ отъ зрителей. Мѣста для нихъ, устроенные амфитеатромъ, и ложи (только одинъ рядъ) расположены такъ, чтобы взоръ зрителя могъ безпрепятственно обнимать сцену. Сцена снабжена всѣми нововведеніями. Для болѣе реального воспроизведенія облаковъ и дыма примѣнены пары. Сознавая, что чтеніе и перелистываніе либретто во время представлѣнія слушателями только уничтожаетъ цѣльность впечатлѣнія, Вагнеръ во время спектакля приказывалъ уменьшать газъ до такой степени, что чтеніе становилось невозможнымъ. Во время дѣйствія входъ воспрещался, а для того чтобы слушатели своевременно заняли свои мѣста, передъ началомъ каждого дѣйствія трубачи и тромбонисты, выходя на площадку передъ театромъ, возвѣщали фанфарой (для которой служила одна изъ темъ послѣдующаго дѣйствія) о концѣ антракта.

Представленіе „Нибелунговъ“ было торжествомъ Вагнера. Этотъ успѣхъ еще болѣе ему напомнилъ о томъ незабвенномъ человѣкѣ, покровительству которого онъ всѣмъ обязанъ. Это онъ высказалъ на торжественномъ ужинѣ, послѣдовавшемъ за представленіемъ. Первый тостъ въ присутствіи всей интеллигенціи Европы былъ провозглашенъ Вагнеромъ за своего лучшаго друга — Листа, безъ котораго не осуществились бы его завѣтныя идеи. Послѣ невѣроятно восторженного приема этого тоста, Листъ предложилъ тостъ за Вагнера, обратившись къ нему со словами: „я остаюсь тебѣ вѣчно вѣрнымъ и подданнымъ!“

Въ эти бѣглые замѣтки вошли нѣкоторыя мои собственные воспоминанія и многія данныя, которыя любезно мнѣ сообщены г-жею Задлеръ-Грюнъ, очень известною пѣвицею въ Германіи, которая первая исполнила роли Эльзы и Елизаветы въ Болоньї, и ея супругомъ Л. К. Задлеромъ, старшимъ преподавателемъ въ с.-петербургской консерваторіи.

Къ рисункамъ.

Пугачевцы.

(Рис. на стр. 244 и 245).

Высокоталантливый жанристъ, оставилъ послѣ себя, въ наслѣдіе русскому искусству, столько замѣчательныхъ произведеній, Перовъ, въ послѣдніе годы жизни началъ пробовать свои силы въ исторической живописи. И эти опыты нельзя назвать неудачными. Его двѣ большия картины „Никита Пустосвятъ“ и „Пугачевцы“ доказали, что онъ умѣлъ совладать съ трудной исторической темой и представить ее весьма жизненно, въ формѣ исполненной движения и драматизма. О первой картинѣ трудно что нибудь сказать, такъ какъ она не окончена, но несомнѣнное впечатлѣніе производитъ картина „Пугачевцы“, въ которой художникъ изобразилъ яркій, хватающій за сердце эпизодъ безумнаго пугачевскаго бунта. Передъ вами здѣсь и самъ злодѣй, бѣглый казакъ Емелька Пугачевъ, важно возсѣдающій на импровизированномъ сѣдалищѣ, въ какой то лентѣ и звѣздахъ и ма-хачающей роковымя платкомъ, служившимъ у него сигналомъ для начала казней. По сторонамъ его стоять его грязные, свирѣпые, пьяные сподвижники, а впереди прямо передъ нимъ несчастныя жертвы, ожидающія съ ужасомъ и трепетомъ рѣшенія своей участіи. Чувствуется, что этимъ жертвамъ [нѣть спасенія]: онъ должны неминуемо пасть. Да и самъ бунтовщикъ хорошо зналъ пизкіе, кровожадные инстинкты сопровождавшей его бездомной, оборванной толпы и понималъ, что она нестолько увлекалась его пресловутыми возваніями и самозванствомъ, какъ полной свободой разбоя и всякою грабежа и насилия. Еще Пугачевъ не появился на арену своей дѣятельности, еще онъ былъ безвѣстнымъ казакомъ и бродягой, буйная толпа уже готовы были для смуты и злодѣйскихъ дѣлъ. Нашелся дерзкій бунтовщикъ и мятежъ вспыхнулъ вдругъ, неудержимо, далеко оставивъ за собою прежнія кровавыя мерзости „понизовской вольницы“ и грабежи пограничныхъ шаекъ. Пугачевская смута разлилась пожаромъ, неожиданно: въ Оренбургѣ обѣ ней узнали во время губернаторскаго бала, а въ Петербургѣ извѣстіе обѣ ней пришло лишь черезъ мѣсяцъ во время блестящихъ празднествъ бракосочетанія Цесаревича Павла Петровича съ

Вилла Вагнера „Ванфридъ“ близь г. Байрейта въ Баваріи.

его первой супругой Наталіей Алексѣевной. Тотчасъ же были приняты мѣры для искорененія мятежа, но эти мѣры были въ началѣ недостаточно рѣшительны. Мелкіе отряды войскъ шли противъ буйной сволочи самозванца; частныя неудачи войскъ еще болѣе увеличили дерзость Пугачева; неудержимо шелъ онъ впередъ съ шайками оборванцевъ и занималъ даже крѣпости и города, а по Волгѣ потянулись длинныя вереницы судовъ съ тѣми же оборванцами Пугачева, на мачтахъ которыхъ качались мертвые тѣла повѣщеныхъ. И долго удача шла бунтовщику, хозяйничавшему въ Саратовѣ и Казани и наводившему ужасъ на весь приволжскій край своими казнями. Но только лишь усмирение мятежа перешло въ руки энергичныхъ и твердыхъ людей—Голицына, Бибикова, Чанина, Михельсона, какъ всѣ удачи Пугачева конечно прекратились. Какъ дикій звѣрь, гонимый облавой, метался онъ изъ стороны въ сторону и, не находя другаго исхода, думалъ уйти отъ достойной казни въ Персію; но сами его сподвижники уже видѣли, что онъ обманщикъ и извергъ и поспѣшили отдать его въ руки правительства, чтобы заслужить себѣ прощеніе. 10 января 1775 г. Пугачевъ получилъ возмездіе за свои неслыханныя злодѣйства; голова его скатилась съ плахи, но долго еще не могли забыться содѣянія имъ ужасы и опустошенія. Довольно сказать, что онъ въ одинъ годъ умертвилъ до тысячи семисотъ человѣкъ. Онъ убивалъ всѣхъ не разбирая возраста, пола и лѣтъ. Казни были различныя; большую частью вѣшали; иныхъ безпощадно били ногайками и потомъ закапывали; иѣкоторыхъ засѣкали до смерти плетьми; рубили въ мелкіе куски, или сжигали на кострахъ. Въ Саратовѣ убийство продолжалось съ 6 по 11 августа; въ Пензѣ же и Петровскѣ, по истребленію воеводъ, товарищей ихъ, секретарей и приказныхъ, управляли подъячие. Являясь среди народа, Пугачевъ всегда бросалъ въ толпу деньги; стоялъ на коврѣ, поддерживаемый двумя казаками. Онъ возилъ съ собою палатку, куда, кроме приближенныхъ его и жены, никто не имѣлъ права входить; давалъ аудіенціи сидя на креслахъ; любимцы подводили къ нему плѣнныхъ и спрашивали: прикажешь ли вѣшать? Ничего не отвѣчая, злодѣй только платкомъ и казни совершился. Сцена такой

дикой и кровавой расправы и представлена на талантливой картинѣ Перова. Особенno выдается фигура героической женщины, предпочитающей смерть съ своею дочерью, подчиненю бунтовщику.

Въ день рожденія.

(Рис. на стр. 249).

Что за счастливый день для этой дѣвочки! Сегодня мама такъ горячо ее поцѣловала утромъ и поздравила съ днемъ ея Ангела и потомъ велѣла идти въ эту комнату. Дѣвочка отъ восторга совершенно потерялась и окаменѣла, не можетъ ничего ни сказать, ни сдѣлать. Боже! сколько тутъ всего, всего, о чмъ она только когда нибудь мечтала! И эта большая прелестная кукла—какъ она ее будетъ любить, одѣвать ее и укладывать спать пораньше, да, пораньше! Это такъ нездороно маленькимъ поздно ложиться спать; пусть эта кукла только будетъ послушна! А вотъ лежть для нея самой какое чудное платьице и башмачки съ такими яркими серебряными пряжками и тақія красивыя книжки въ золоченыхъ переплетахъ, въ которыхъ столько картинокъ... Маленький слонъ... Дѣвочка не можетъ на все это насмотрѣться, а мама ея стоитъ и издали, изъ-за двери, любуется на восхищеніе своей баловницы—дочки...

Дѣвушки изъ Тюлы (Мексика).

(Рис. на стр. 252).

Въ двадцати миляхъ на сѣверъ отъ Мексики лежитъ деревня Тюла, которая теперь насчитываетъ только 500 душъ жителей. Прежде это была столица Тольтековъ и, по сообщеніямъ историковъ, древнѣйшій городъ Анагуаковъ. Вотъ вкратцѣя исторія. Тольтеки происходятъ отъ племени *Науа*; подъ этимъ именемъ известны всѣ народы, говорившіе однимъ языккомъ, которые пришли съ сѣвера и постепенно, отъ седьмаго до четырнадцатаго столѣтія, завладѣли плоскогоріемъ Мексики и частью Америки центральной. Историки говорятъ, что Тольтеки были деисты; они почитали солнце, луну и бога Тлалокъ, считавшагося покровителемъ жатвы и дождя; нравы ихъ были мягки и своимъ богамъ они приносили только невинныя жертвы. Беміа изображаетъ природнаго тольтека человѣкомъ высокаго роста, блѣдымъ, съ бородою и орлинымъ носомъ.

Цивилизациѣ Тольтековъ, менѣе чѣмъ въ четыре столѣтія, покрыла всю Мексику городами и монументами; потомъ она внезапно угасла, точно отъ удара молніи. Въ срединѣ одиннадцатаго вѣка, нѣсколько лѣтъ наводненій, засухи и морозовъ, были причиной страшнѣйшаго голода, за которымъ послѣдовалъ моръ. Внѣшніе враги воспользовались этими роковыми обстоятельствами для разрушенія государства; началась губительная война, продолжавшаяся три года, которая окончательно уничтожила этотъ несчастный народъ.

Внослѣдствіи на мѣстѣ древняго города Тольтековъ появилась деревня Тюла. Многочисленныя древности, встрѣчающіяся на каждомъ шагу въ этой деревнѣ, свидѣтельствуютъ о цивилизациѣ этого народа.

Масса разбросанныхъ повсюду большихъ кусковъ колоннъ и каріатидъ, все это части бывшаго храма Рана, т. е. храма лягушки, о которомъ упоминаетъ историкъ. Онъ былъ построенъ въ царствование Митля, императора Тольтековъ, который, завидуя процвѣтанію Теотигуакана, одного изъ своихъ провинціальныхъ городовъ, задумалъ привлечь въ Тюлу многочисленныхъ богомольцевъ, приходившихъ толпами въ святой городъ Анагуаковъ.

Съ этою цѣлью онъ построилъ храмъ. Онъ былъ сооруженъ изъ громадныхъ каменьевъ, превосходно обточенныхъ, и имѣлъ форму длиннаго четыреугольника. Крыша была также изъ каменьевъ, хорошо пригнанныхъ, которые, приближаясь постепенно другъ къ другу, соединялись на верху и образовали родъ свода. Внутри храма находился очень тщательно изваянныи пьедесталь, на которомъ была помѣщена артистической работы массивная, золотая статуя богини, украшенная изумрудами.

Площадь Тюлы съ ея садикомъ, засаженнымъ маленькими кустиками и чахлыми цветами, бываетъ пуста въ продолженіи недѣли. Между тѣмъ это центръ деревни; тутъ находятся конторы префектуры и суды округа; въ одномъ изъ ея угловъ помѣщается станція дилижансовъ и церковь съ зубцами, которая имѣть видъ крѣпости, а подъ порталомъ открываются магазины мѣстныхъ властей. Площадь эта очень скучна, она оживляется только по воскресеньямъ. Въ этотъ день сюда прибываетъ много окрестныхъ индійцевъ, а также жители деревни выходятъ на прогулку и за покупками, такъ какъ обыкновенно это день торговый. Тогда появляются блѣдныя, серые маки, въ сопровождении своихъ дочекъ, разматривающихъ съ любопытствомъ бѣдные лотки индійцевъ. Купцы предлагаютъ апельсины, груши, финики, персики и индійскій перецъ

во всѣхъ видахъ, цветахъ и всякихъ вкусовъ, начиная отъ сладкаго и до самого крѣпкаго. Тутъ же находятся и продавцы разной посуды.

Индійцы и индіанки, Отомі въ перемежку съ Чичимеками, въ изорванныхъ костюмахъ, представляютъ всѣ типы вселенной, начиная отъ египетскаго съ заостреннымъ профилемъ и очая калмыцкимъ, съ мягкими и неопределѣленными чертами. Большая часть торговокъ, на половину обнаженныхъ, окружены совершенно нагими дѣтьми. Но среди этихъ непривлекательныхъ фигур встрѣчаются типы, поражающіе чистотою линій. Это молодыя, гибкія дѣвушки, съ черными гордыми глазами, съ прекрасными волосами и шеей, украшенной ожерельемъ изъ каменьевъ и стекляшекъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ. При взглядѣ на нихъ, невольно вспоминаешь бывшее великое племя, переносища мыслью за тысячу лѣтъ назадъ, и кажется, что находишься среди этого знаменитаго народа, оставившаго послѣ себя столько прекрасныхъ памятниковъ и развалинъ.

Внутренность биржи въ Антверпенѣ.

(Рис. на стр. 253).

Антверпенъ, раскинутый на берегу рѣки Шельды и отстоящій лишь въ 17 миляхъ отъ Сѣвернаго моря, до сихъ поръ составляетъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ коммерческихъ центровъ Бельгіи. Происхожденіе его относится къ глубокой древности; здѣсь, по преданію, на крутомъ берегу Шельды возвышался нѣкогда мрачный замокъ, обитаемый велиkimъ Антиономъ, который грабилъ плывущіе мимо корабли, а купцамъ отрубалъ обѣ руки и бросалъ въ рѣку. Наконецъ нашелся рыцарь Сильвій Брабонъ, который побѣдилъ его и умертвилъ, но передъ этимъ обрубилъ также ему обѣ руки и бросилъ въ Шельду. Отсюда-то и произошло древнее фламандское название города отъ словъ *Hand* рука и *wegren* бросать. Историческую известность Антверпенъ получилъ лишь съ VII вѣка, когда сюда явились апостолы христіанства и начали мало по малу просвѣщать свѣтомъ Евангелія дикихъ и грубыхъ обитателей береговъ Шельды. Разрушенный норманами въ IX вѣкѣ Антверпенъ, благодаря счастливому своему положенію, сталъ быстро развиваться, по особенно достигъ онъ блестящаго процвѣтанія при Карлѣ V, когда, по разсказу Гишардена, въ немъ насчитывалось 12,000 домовъ и до 200,000 жителей. Но послѣдовавшія затѣмъ кровавыя религіозныя войны, деспотическое управление герцога Альбы и вынесенная городомъ долгая осада противъ войскъ герцога Пармскаго губительно повліяли на его торговлю. Она сдѣлалась самой жалкой и незначительной и самые богатые коммерсанты Антверпена, закрывъ свои конторы, бѣжали въ другія страны, спасая свою жизнь и религіозную свободу. И долго послѣ этой жестокой эпохи фанатизма и насилия Антверпенъ не могъ оправиться, и только при Наполеонѣ I, который всѣми силами старался обѣ возстановленіи его торгового значенія, онъ снова стала развивать свои коммерческіе обороты и вскорѣ снова сдѣлался однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ Нидерландовъ.

Теперь Антверпенъ—оживленный, шумный громадный муравейникъ, гдѣ люди вѣчно хлопочутъ и суетятся на набережныхъ, докахъ, въ громадныхъ кладовыхъ и залахъ биржи. Здѣсь какъ-бы шутя дѣлаютъ ежедневно миллионы дѣла и составляютъ себѣ громадное состояніе; множество кораблей съ флагами всѣхъ націй пристаютъ къ здѣшнему порту и на широкой набережной то и дѣло выгружаются товары, привезенные то изъ обѣихъ Индій, то изъ Америки. Съ самаго утра до поздняго вечера Антверпенъ занятъ своими торговыми дѣлами и тогда онъ недоступенъ никакимъ другимъ интересамъ. Большую часть дня проводитъ онъ въ своемъ святилищѣ—роскошной и оживленной биржѣ, громадномъ дворѣ антверпенскаго купечества, въ которомъ оно дѣлаетъ миллионы обороты и наживаетъ громадныя состоянія.

Антверпенская биржа была выстроена въ 1531 году и, какъ увѣряютъ, являлась первымъ подобнымъ учрежденіемъ въ Европѣ. Она состоитъ изъ огромной, четырехугольной залы, длиною въ 54, а шириной въ 43 метра, которая окружена со всѣхъ сторонъ широкой галлереей. Готическіе своды галлерей поддерживаются массивными фигурными колоннами, а широкая, частью стеклянная, частью металлическая крыша—фигурными желѣзными подпорами также строго-готического стиля. Въ этой залѣ, гдѣ снуеть постоянно масса дѣловаго люда, антверпенскій купецъ безъ помѣхи можетъ сноситься съ самыми отдаленными странами; здѣсь для него безпрерывно работаетъ телеграфъ и по его малѣшему знаку уже двигаются массы кораблей съ самыми разнообразными продуктами. Кроме телеграфа здѣсь же на биржѣ помѣщается коммерческій судъ и торговая управа. Нежилая-же часть зданія занята громаднымъ числомъ складовъ и подваловъ, постоянно заваленныхъ товарами, доставленными сюда со всѣхъ частей свѣта.

Выставка проф. Ю. Клевера и акад. Руфина Судковскаго.

Также какъ въ прошломъ году и теперь, известный пейзажистъ Ю. Ю. Клеверъ и талантливый маринистъ Р. Г. Судков-

ский, снова открыли совмѣстную выставку, на этотъ разъ въ помѣщении Общества Поощренія Художествъ по Б. Морской.

Нынешняя выставка еще лучше прошлогодней. Помещение гораздо удобнее и выставленные картины, хотя ихъ и меньше, чѣмъ было на прошлогодней выставкѣ, несомнѣнно интереснѣе. Можно сказать, что большую частью это истинные шедѣвры. Р. Г. Судковскій сдѣлалъ значительные успѣхи за это относительно весьма короткое время. Число нашихъ маринистовъ весьма ограничено: Айвазовскій, Бегровъ, Боголюбовъ, пожалуй еще и Лагоріо—вотъ почти всѣ наши художники, пишущіе морскіе виды, воспроизводящіе жизнь моря. Привѣтствуемъ съ особеннымъ удовольствіемъ нового художника, примкнувшаго къ семье, которая въ правѣ гордиться такимъ соченіемъ.

Г. Судковскій въ выставленныхъ имъ шести картинахъ средняго размѣра и 4 большихъ проявилъ замѣчательное стремленіе къ совершенствованію. Все, что прежде уже въ его картинахъ замѣчалось хорошаго—знакомство съ предметомъ, любовь къ природѣ, умѣніе воспроизводить извѣстные моменты, вѣрность въ передачѣ разныхъ мелочей — все это имѣется и теперь въ его новыхъ картинахъ; но кромѣ того замѣчается необыкновенный успѣхъ относительно рисунка волнъ, прозрачности воды, болѣе широкой и болѣе разнообразной и искусной композиціи. Тутъ-то несомнѣнно проявляется влияніе Айвазовскаго, мастера рисунка волнъ и передачи прозрачности воды. Взгляните напримѣръ на прекрасную картину „Прибой въ туманѣ“: какая достигнута поразительная прозрачность воздуха на первомъ планѣ! Сколько правды въ этихъ длинныхъ, тихо разливающихся волнахъ! Какъ тутъ все словно вѣтъ освѣжающимъ воздухомъ морскаго берега! Это одна изъ самыхъ выдающихся сторонъ замѣчательнаго таланта г. Судковскаго: передача воздуха со всѣми особенностями. Пишетъ ли онъ бурю, или удаляющуюся грозу, солнечный зной лѣтняго дня на берегахъ юга, или пасмурный осенний видъ моря подъ сѣрой массою тучъ и облаковъ — все ему дается одинаково хорошо и замѣчательно вѣрно. Точности и правды въ колоритѣ у Судковскаго, думаемъ, больше, чѣмъ у Айвазовскаго. Оба они взросли на берегахъ Чернаго моря; но какая разница! Въ картинахъ Айвазовскаго почти всегда встречается значительная доля фантастического, поэзіи, что имѣетъ свою прелесть. Его картины можно назвать „симфоніе красокъ“, у Судковскаго же тотъ или другой тонъ, если иногда и не совсѣмъ ему удается, особенно въ тѣняхъ, но за то краски эти вполнѣ соответствуютъ самой природѣ; опѣ никогда не фан-

тазириуетъ въ природѣ. Но кто станетъ утверждать однако, что у г. Судковскаго мало поэзіи? Никогда не забыть впечатлѣніе его большой картины, удивительно поэтично передающей лѣтнюю тишину на Черномъ морѣ. Какая прелесть — фонъ этихъ облаковъ съ отраженіемъ солнечнаго луча на дальнемъ горизонѣ; и эти волны на первомъ планѣ — не воспѣваетъ ли здѣсь поэтъ величественными и могучими звуками силу жизни моря?

Что касается Ю. Ю. Клевера, то онъ дѣлается все разнообразнѣе въ мотивахъ. Вечерніе закаты, съ краснымъ отливомъ въ глубинѣ и съ отраженіемъ зари въ болотной водѣ на первомъ планѣ — онъ оставилъ. Оставилъ и зимніе пейзажи, положившіе въ свое время основаніе извѣстности этого превосходнаго художника. Изъ восемнадцати картинъ и этюдовъ на нынѣшней выставкѣ только наименѣшша часть представляется этой жанрѣ пейзажа. Г. Клеверь всецѣло предался другимъ сюжетамъ и съ блестящимъ успѣхомъ. Теперь онъ поэтъ зимней красоты, поэтъ вообще природы сѣвера. Огромная воспріимчивость художника представляетъ меланхолическая красоты нашей, кажущейся только бѣдною природы, помогаетъ ему великодушно представлять всѣ моменты и фазисы внутренней жизни нашихъ полей и лѣсовъ. Блестящій художникъ читателямъ „Нивы“ давно уже знакомъ и остается лишь обратить вниманіе на ту или другую особенно выдающуюся картину нынѣшней выставки. Въ числѣ этюдовъ много прелестныхъ: „Видъ Эмбаха“, напоминающій собою манеру лучшихъ парижскихъ пейзажистовъ, какъ тонкостью красокъ, такъ и изяществомъ рисунка; „Дорога въ паркѣ въ осенне время“; этюды водяныхъ лилій и полевыхъ цветовъ; заброшенный уголъ лѣса съ пнемъ по срединѣ картины, обросшимъ мохомъ и грибами — чудная вещь. Но особенного вниманія заслуживаютъ картины „Осенний разливъ“ и „Пожелѣлые листья“. „Осенний разливъ“ — образовое произведеніе, мѣсто его должно быть въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Сочность кисти тутъ соединяется съ мастерскимъ рисункомъ массы деталей стволовъ, сучьевъ и т. д., съ удивительной перспективой воздуха, съ правдивостью передачи характера лѣсной глубины осеню. Что же касается другой картины, то „Пожелѣлые листья“ полны меланхолической экспрессіи; это не просто картина, это цѣлая поэма; стоишь передъ нею и не можешь оторваться отъ очаровательной прелести этого произведения, хотя опо лишено всякихъ солнечныхъ, лунныхъ, яркихъ эффектовъ; тутъ все вѣтъ глубокимъ чувствомъ, природой и поэзіей.

Ю. Г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пограничные китайцы. — Румынія. — Сербія. — Турція. — Дунайская конференція. — Австро-Венгрия. — Франція. — Испанія и „Черная Рука“.

Китайцы на нашей границѣ, вѣроятно, унялись, а можетъ быть касательно нѣкоторыхъ изъ пограничныхъ пунктовъ извѣстія слегка грѣшили и преувеличениемъ, но мы, впрочемъ, не думаемъ, что преувеличіе — если и допустить ихъ — очень удалялись отъ истины. Между прочимъ, изъ Зайсана сообщаютъ теперь, что пограничный китайскій отрядъ, стоявшій неподалеку русскаго кабинскаго отряда, — ничто иное, какъ горсть голодныхъ оборванцевъ, вооруженныхъ луками; оборванцы эти, по первому же требованію зайсанскаго пристава, удалились въ горы Саурту; далѣе, что китайскіе министры, при объясненіи съ нашимъ посланникомъ въ Пекинѣ, даже не намекали о кабинскомъ отрядѣ, признавая фактъ его существованія какъ-бы законнымъ; вслѣдствіе объясненія посланника съ министрами о неблаговидныхъ поступкахъ кабинского губернатора, тормозившаго разграниченіе, губернаторъ этотъ, по повелѣнію боярьхана, удаленъ, а назначенному на его мѣсто приказано немедленно приступить къ разсмотрѣнію пограничного вопроса и покончить его со скоростью, желательно для обоихъ правительствъ. Все это прекрасно — можетъ быть около Зайсана противъ настѣ китайской имперіи и отрица „горсть голодныхъ оборванцевъ“, съ луками въ рукахъ, а не новѣйшими англійскими ружьями, и, можетъ быть, китайцы слушаются русскихъ въ томъ скромномъ пункте, но, зато, въ другихъ, болѣе важныхъ пограничныхъ пунктахъ, они отряжаютъ противъ настѣ не горсты, вооружаютъ ихъ не луками, и не только не слушаются настѣ, а, напротивъ, — обижаютъ; конечно, мы увѣрены, что китайское правительство уже увѣдомлено обо всемъ этомъ.

Румынія озабочена въ настоящее время вопросомъ о приведеніи королевства въ оборонительное состояніе, на что и вотировано палатой депутатовъ 15 миллионовъ франковъ; но на этомъ румынскому правительству не остановится: министръ Братяно заявилъ, что необходимо будетъ ежегодное, въ теченіе 10 лѣтъ, ассигнованіе такой суммы для того, чтобы обеспечить оборонительное положеніе Румыніи. Понятно — эти укрѣпленія болѣе важны не для самой Румыніи, а для того изъ мощныхъ сосѣдей, съ которымъ маленькое королевство будетъ идти за одно, когда „грянетъ“ бой...

Въ Сербіи, со временемъ паденія Ристича, не можетъ установиться той прочной связи въ различныхъ элементахъ и факто-рахъ общественно-государственной жизни, въ которой теперь именно такъ нуждается юное королевство. Теперь, снова на сцену выступаетъ вопросъ церковно-политической. Епископы шабацкій и нишскій высказались противъ вотированныхъ не-

давно скупчиной церковныхъ законовъ и подали прошеніе объ отставкѣ; говорятъ, что и исправляющей должность митрополита, епископъ Моисей послѣдуетъ ихъ примѣру, если правительство будетъ медлить утвержденіемъ его въ должности; въ такомъ случаѣ будетъ назначенъ архимандритъ Дучичъ, или архимандритъ Несторъ и назначеніе состоится даже въ томъ случаѣ, если епископы откажутся участвовать въ избраніи духовнаго пастыря; министерство рѣшило или произвести выборы при посредствѣ второстепенныхъ іерарховъ, или же обратиться къ константинопольскому патріарху.

Порта не напрасно обратилась къ державамъ съ жалобой на Болгарію за неплатежъ дани и ничѣмъ еще не выраженное княжествомъ желаніе принять на себя часть государственного долга Турціи; великія державы вняли мольbamъ константинопольскихъ пашей и изъявили готовность содѣйствовать улаженію этого дѣла; вѣроятно начнутся переговоры... Относительно дунайской конференціи передаютъ будто она рѣшила, между прочимъ, юрисдикцію европейской комиссіи распространить внизъ отъ Галаца на всѣ устья рѣкъ, за исключеніемъ Очаковскаго, а также срокъ комиссіи опредѣлить, по однимъ въ 15 лѣтъ, по другимъ въ 18 лѣтъ и даже — въ 21 годъ; Очаковскій рукавъ — это нашъ килійскій, онъ, слѣдовательно, не подчиненъ европейскому контролю, но, съ другой стороны, — требуетъ очистки, для которой, какъ говорятъ, потребуется не менѣе миллиона фунтовъ стерлинговъ. Интересно знать — насколько Австрія удастся провести свои планы.

Въ этомъ государствѣ продолжается все та же борьба министерства графа Таафе съ противниками его системы равновѣсія; въ парламентѣ партіи, главнымъ образомъ, группируются не по обще-политическимъ направленіямъ, но по национальностямъ.

Во Франціи агитируютъ — не принцы, а депутаты, рабочіе; радикалы, желавшіе, во что бы ни стало, пересмотрѣ конституціи, и при этомъ, непремѣнно съ тѣмъ, чтобы сенатъ былъ упраздненъ и оставлена одна палата; однако, послѣ рѣчи Ферри, палата отклонила предложеніе, а потому радикальная группа желаетъ начать агитацию; агитируютъ и рабочіе; они недавно устраивали на эспланадѣ инвалидовъ митингъ, съ цѣлью демонстраціи предъ палатой депутатовъ; они хотѣли потребовать у правительства немедленныхъ мѣръ о доставленіи нуждающимся и работы, и хлѣба; рабочіе ходили по мастерскимъ и приглашали товарищей прийти на митингъ; въ назначенный день, однако, полиція разогнала демонстрантовъ; Луїза Мишель явилась туда и совѣтывала сопротивленіе, но совѣтъ не привелъ ни къ чему — митингъ не состоялся. Француз-

скія суда — уже у Мадагаскара, но жители объявили, что будут сопротивляться вылазкѣ.

Англія вводить у себя, въ Индіи, реформу — она рѣшилась допустить назначеніе индусовъ — юридически образованныхъ — къ должностямъ второстепенныхъ судей; и теперь по всѣмъ индійскимъ владѣніямъ, по всей Англіи (кромѣ, вѣроятно, Ирландіи) идетъ вопль о томъ, что англичанамъ грозитъ великая опасность, но, впрочемъ, кричать болѣе англо-индійскіе купцы и иные, подобные имъ эксплоататоры; индузы, впрочемъ, терпѣливы въ своемъ подчиненіи англичанамъ, третирующимъ ихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ тварей низшей породы, — таково

уже умѣніе этихъ любителей свободы въ иноземныхъ странахъ.

Въ Испаніи открыта анархическая организація, которая, подъ названіемъ „Mano Negra“ (Черная Рука), распространялась по всему королевству; по даннымъ судебнаго слѣдствія агентовъ насчитывается около 50 тысячъ, сгруппированныхъ въ 190 федерацій и 800 отдѣловъ, подчиненныхъ центральному комитету въ Женевѣ; главные же центры въ Испаніи — Хересъ, Грацолема, Убрикье и Аркосъ; программа — соціалистическая, общество требуетъ энергическихъ мѣръ, правительство, повидимому, и рѣшилось принять ихъ, оно успѣло захватить въ свои руки всѣ нити заговора и сосредоточило гдѣ надо сильные отряды войска.

СМѢСЬ.

Объ искусственныхъ драгоценныхъ камняхъ. Съ каждымъ годомъ появляется все болѣе и болѣе поддѣлъныхъ драгоценныхъ камней, но между поддѣлками надо различать собственно фальшивые камни отъ искусственныхъ; разница вся въ томъ, что фальшивый камень по своему химическому составу не имѣть часто ничего общаго съ настоящимъ самоцвѣтнымъ камнемъ, а искусственный драгоценный камень имѣть тотъ же составъ, что и настоящій, туже кристаллическую форму и всѣ остальные свойства; разница вся только въ томъ, что онъ не минераль, т. е. не найденъ въ природѣ, а сдѣланъ въ лабораторіи или на фабрикѣ. Поддѣлки первого рода ювелиры и химики всегда могутъ отличить отъ настоящаго камня, второй же видъ поддѣлокъ — собственно искусственные камни не могутъ быть отличаемы отъ настоящихъ ни химики, ни ювелирами; называть ихъ фальшивыми нельзя, слѣдуетъ же называть только искусственными. Этотъ второй видъ поддѣлокъ грозитъ понижениемъ цѣнности всѣхъ самоцвѣтныхъ камней. До сихъ поръ производство ихъ еще не достигло большой легкости и дешевизны, но оно съ каждымъ годомъ все болѣе развивается и, вѣроятно, скоро достигнетъ легкости фабричного производства. Изъ всѣхъ драгоценныхъ камней не поддается искусственному приготовленію только одинъ брилліантъ; для приготовленія брилліантовъ значительной величины нуженъ такой жаръ, которого еще не умѣютъ получать на землѣ, а потому этотъ камень (также и алмазъ) останутся еще долго въ прежней цѣнѣ. Фальшивые алмазы и брилліанты ничего общаго въ химическомъ составѣ съ настоящими не имѣютъ, а также могутъ быть отличаемы отъ настоящихъ съ помощью физическихъ приборовъ для измѣренія показателя преломленія свѣта. Полученные до сихъ поръ искусственные брилліанты и алмазы достигали весьма малой величины; они получались въ видѣ мелкаго порошка, годного лишь для шлифовки. До сихъ поръ искусственное получение драгоценныхъ камней находится еще въ рукахъ ученыхъ, которые дѣлали эти камни для чисто научныхъ, а не торговыхъ цѣлей; но известно, что промышленность идетъ вслѣдъ за наукой и пользуется ея открытиями, а потому развитіе полученія искусственнымъ путемъ драгоценныхъ камней должно сильно понизить ихъ стоимость. Еще въ 1808 году ученому Klapproth'у удалось сдѣлать искусственный черный гранатъ; въ 1858 году Henri Sainte Claire Deville и Сагон сдѣлали искусственный корундъ, рубинъ и сафиръ въ большихъ прекрасно образованныхъ кристаллахъ; въ 1878 году Foucaut и Lévy получили гранатъ въ 0,555 05 величиной; полученъ также искусственный минераль весьма близкій къ изумруду и т. д. Способы приготовленія искусственныхъ минераловъ вообще совершаются довольно быстро, а получениемъ искусственныхъ минераловъ занимаются лучшіе химики Франціи.

Молоко слона по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказывается по составу очень похожимъ на коровье. Оно жирное, густо и покрывается усюемъ свѣтло-желтаго цвѣта. Къ сожалѣнію, при всѣхъ своихъ качествахъ, оно всетаки не можетъ быть введено въ употребленіе, таъ какъ во-первыхъ, содержаніе животнаго обходится слишкомъ дорого, а во-вторыхъ, что слонъ очень туго размножается въ состояніи неволи.

Политическое значеніе кометъ въ Китаѣ. Частое появленіе кометъ въ послѣдніе два года, очень обезпокоило жителей небесной имперіи. Въ хвостѣ каждой кометы, которую китайцы уподобляютъ огненной саблѣ, они видятъ эмблему мішенія, которое готовить небо для недостойной и преступной страны. Такъ вслѣдствіе послѣдней кометы былъ изданъ указъ отъ имени юнаго императора, заявлявшій, что комета доказываетъ ту небрежность, которую чиновники знакомятъ государя съ нуждами и несчастіями его народа. Кроме того назначена строгая ревизія и даже возможно, что благодаря кометѣ послѣдуетъ коренное преобразованіе администраціи.

Вино изъ дикихъ померанцевъ Флориды очень распространено въ Калифорніи. Для его приготовленія померанцы обчищаются, разрѣзваются на половинки, и потомъ прессуются въ приборахъ, которые въ тоже время выдѣляютъ зернушки. Затѣмъ прибавляются два фунта бѣлаго сахара на каждый галлонъ померанцеваго сока. Затѣмъ напитокъ бродитъ и превращается въ ароматное вино, нѣсколько схожее на рейнвайнъ съ прибавкой вкуса померанца. Изъ выжимокъ дѣлаютъ уксусъ.

Дешевый алюминій. Недавно, какъ сообщаютъ изъ Англіи, удалось одному тамошнему химику найти способъ удешевить производство алюминія вдвое противъ его настоящей цѣны. Алюминій теперь стоитъ 25 франковъ килограммъ; дешевый же алюминій будетъ стоить немного болѣе 2 франковъ, что конечно увеличитъ

значительно размѣры его потребленія при его отличительныхъ высокихъ качествахъ. Алюминій самый легкій изъ всѣхъ металловъ; онъ вѣсить въ три раза меньше нежели желѣзо; онъ мало окисляется и плавится при 700 градусахъ. Онъ, такимъ образомъ, составляетъ нѣчто среднее между серебромъ и платиной и можетъ быть употребленъ для литья, ковки, приготовленія проволоки и сплава со многими металлами, а также для проката въ самые тонкіе листья; кроме того его можно паять посредствомъ особаго паяльника, составленаго изъ цинка, мѣди и алюминія. Бронза изъ алюминія получила уже широкое примѣненіе; ея твердость больше, нежели у золота, употребляемаго для чеканки монеты, но она легко можетъ обдѣлываться молоткомъ.

Въ отношеніи электричества, алюминій служить въ восемь разъ лучше проводникомъ, нежели желѣзо. Отсюда ясно, что онъ можетъ быть съ выгодой употребляемъ для самыхъ разнообразныхъ электрическихъ аппаратовъ. Наконецъ въ соединеніи съ оловомъ алюминій образуетъ твердый и тягучій металль, могущій съ успѣхомъ замѣнить серебро во всѣхъ его самыхъ различныхъ примѣненіяхъ.

О средствахъ для сохраненія волосъ. Вотъ уже второй годъ какъ область фармаціи наконецъ обогатилась изобрѣтеніемъ, играющимъ теперь немаловажную роль въ косметикѣ и парфюмеріи.

Мы говоримъ объ „Элеопатѣ“ Кюнунена, — новѣйшемъ, прекрасномъ средствѣ, уничтожающемъ перхоть на головѣ, предупреждающемъ выпаденіе волосъ и т. п. И на этотъ разъ средство, повидимому, вполнѣ дѣйствительному.

„Элеопатъ“, какъ уже известно, приготовляется изъ цѣлебныхъ, ароматическихъ травъ и кореньевъ, произрастающихъ только на сѣверѣ Швеціи и Финляндіи, гдѣ жители этихъ странъ лечатъ имъ лишайныя накожныя болѣзни головы вообще и въ особенности употребляютъ его, какъ испытанное народное средство отъ выпаденія волосъ. Г. Кюнунену принадлежитъ честь введенія настоящаго шведскаго „элеопата“ въ Россіи, гдѣ уже съ настоящаго года онъ находится въ продажѣ во всѣхъ большихъ аптекахъ и магазинахъ аптекарскихъ матеріаловъ, Москвы, Кіева, Харькова, Одессы и друг. городовъ. До сихъ поръ, за весьма немногими исключеніями, всѣ средства для рощенія волосъ, всякие элексиры, помады и другія не только достигали цѣли, но приносили даже вредъ; оно и понятно, жирныя вещества, входящія въ составъ означеныхъ средствъ, окислялись, то есть разлагались, жаръ переходилъ въ кислоту, которая дѣйствовала разрушительно на корни волосъ, на кожу.

„Элеопатъ“ же дѣйствуетъ укрѣпляющимъ образомъ, не содержа въ себѣ ничего вреднаго, и эфирныя масла растеній, въ немъ находящихся, оказываютъ самое благодѣтельное дѣйствіе, укрѣпляютъ луковицы (корни) волосъ, уничтожаютъ лущеніе кожи и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаютъ перхоть.

Впрочемъ, въ медицинскихъ газетахъ, въ послѣднее время, шведскій „элеопатъ“ г. Кюнунена, описанъ по достоинству и въ нихъ приведены факты, говорящіе въ пользу этого цѣлебнаго средства. У нѣкоторыхъ лицъ, напримѣръ, послѣ двухмѣсячнаго употребленія „элеопата“ г. Кюнунена, корни волосъ значительно укрѣпились, волосы стали замѣтно густѣть; черезъ четыре мѣсяца — когда даже употребленіе средства было остановлено, — волосы перестали спутываться, приняли свѣжестъ и блескъ и перхоть совершенно уничтожилась. Въ прошломъ году г. Кюнуненъ читалъ свой рефератъ о настоящемъ шведскомъ „элеопатѣ“ въ обществѣ любителей естествознанія и ботаники, причемъ показывалъ свои препараты физіологические и ботанические, а также рисунки, снятые съ натуры. Безъ всякаго сомнѣнія, въ скоромъ времени это средство получить и у насъ широкое распространеніе и выѣснить всѣ мнимополезныя средства для рощенія волосъ.

Вернувшись недавно изъ Нью-Йорка въ Вѣну нѣкто Тевеле разсказываетъ объ интересной, американской рекламѣ. Однажды съ женой отправились въ улицу Бродлей и увидѣли какъ два вооруженныхъ стражи гнали передъ собой двухъ скованныхъ тяжелыми цѣпями и привязанныхъ другъ къ другу каторжниковъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову; невольно хотѣлось воскликнуть: Америка, ты все это, прославленная страна свободы?! Когда печальная труппа обогнала насъ, я увидѣлъ на спинѣ каторжника афишу съ извѣщеніемъ, что сегодня въ одномъ изъ англійскихъ театровъ идетъ въ сотый разъ „Галерный каторжникъ“, интересная драма въ 8 картинахъ.

Новый экипажъ. Французское морское министерство произвѣло недавно на Сенѣ, въ Иври, весьма интересные опыты съ разборной металлической каретой, которая можетъ быть превращена

въ плавательное небольшое судно. Будучи построена цѣликомъ изъ желѣза и заключая въ себѣ необходимыя принадлежности верховой и упрашной ъзы, а также плаванія, эта карета съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ быть употребляема, при самыхъ разнообразныхъ климатическихъ условіяхъ, какъ для сухопутнаго, такъ и для водяного сообщеній.

О французскомъ министрѣ просвѣщенія Бурбо, пріемникѣ Дюрюи, разсказываютъ слѣдующій случай. Прежде мало известный парижскій адвокатъ, Бурбо запросто, пѣшкомъ явился въ роскошный ministerскій отель, въ которомъ ему предстояло теперь жить и съ любопытствомъ осматривалъ дворъ. Привратникъ, замѣтивъ незнакомаго человѣка, подошелъ къ нему и грубо спросилъ: Кто Вы такой, сударь, и что вы тутъ ищете? — „Я желаю, отвѣчалъ министръ мягко, чтобы вы на будущее время были учтивѣе со мною, кто будетъ имѣть надобность ко мнѣ явиться. Я новый министръ!“ Привратникъ оторопѣлъ отъ ужаса.

Въ тѣлѣ взрослого человѣка вѣсъ главныхъ органовъ его по отношенію къ вѣсу всего тѣла выражается въ процентахъ такъ: мускулы — 41, скелетъ — 16, внутренности груди и живота — 9, мозгъ — 10, кожа — 6, жиръ — 18. Въ тѣлѣ женщины больше жира, чѣмъ въ тѣлѣ мужчины. Въ крѣпкому, хорошо сложенному тѣлу женщины количество жира нерѣдко доходитъ до 28%.

Камеи или цѣнныя камни, украшенные рѣзьбой и родственныя имъ драгоценные камни съ древнѣйшихъ культурныхъ временъ пользовали женщины и служили всегда ихъ любимымъ украшениемъ. Камеи въ ряду дорогихъ бездѣлушекъ, кромѣ высокой цѣнности, представляютъ и богатое научное сокровище. Время отъ времени любовь къ камеямъ уменьшалась и люди пристрашивались къ какимъ-нибудь новымъ антикамъ, но спустя нѣкоторое время камеи вновь занимали свое почетное мѣсто. Когда во Франціи во время революціи пытались ввести греческіе костюмы, то вмѣстѣ съ этимъ явилась и большая мода на разныя изящныя ювелирныя вещицы, между которыми первое мѣсто занимали драгоценные камеи. Во времена первой имперіи они продолжали пользоваться такимъ же почетомъ, и прекрасная Паулина, сестра Наполеона, впослѣдствіи княгиня Боргезе, явилась на одно блестательное пиршество въ костюмѣ вакханки; одѣяніе изъ тигровой кожи, бывшее на ней, сдерживалось драгоценными камеями. Эффектъ превосходныхъ камеевъ на чудной фигурѣ Паулины былъ изумителенъ. Евгения, Императрица Франціи, будучи законодательницей европейскихъ модъ, призвала вновь къ жизни забытую греческую прическу и тутъ опять камеи заняли свое надлежащее высокое мѣсто. Ими украшали античную простую прическу изъ свитыхъ и низкоположенныхъ волосъ. Камеи узкимъ запястьемъ сдерживали матерію, образующую бальныи рукавъ, и шла рука обѣ руки съ костюмами во вкусѣ рококо. Камеи же помпейскаго происхожденія служили украшениемъ колецъ свѣтскихъ дамъ. Очень многіе имѣютъ и носятъ камеи и т. п. не задаваясь вопросомъ — къ какой категоріи тѣ или другія принадлежать. Камеи это собственно тѣ камни, которые на своей плоской поверхности имѣютъ выпуклые фигуры; другія же, напротивъ этого имѣютъ фигуры углубленныя. Стоимость камеи находится въ зависимости отъ твердости и рѣдкости употребленного на то камня; еще болѣе цѣнность увеличиваются удачный выборъ рисунка, ровная рѣзьба,

чистая отдѣлка и хорошая полировка, даже въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ. Теперь въ Римѣ и другихъ городахъ Италии выдѣлываются искуснѣйшія камни и т. п. и выдаются за антики. Еще египтяне знали искусство приготавлять рѣзные камни, употребляя ихъ не такъ много для украшений, какъ для религіозныхъ цѣлей. На шлифованныхъ драгоценныхъ камняхъ они гравировали изображенія почитаемыхъ ими боговъ и такія геммы служили амулетомъ. Подобныхъ геммъ найдено множество въ гробницахъ. Но искуснѣйшими рѣзчиками были греки; здѣсь боги и богини были преимущественнымъ сюжетомъ при изготавленіи камней. Когда Римъ достигъ своего могущества и утопалъ въ роскоши, сюда были вызваны искуснѣйшіе греческіе рѣзчики, для изготавленія амулетовъ. И теперь еще жители востока вырезываютъ на перстняхъ изрѣченія изъ корана. Для геммъ употребляются обыкновенно полудрагоценные камни, въ особенности агатъ, ониксъ, холцедонъ и др.

Деревянные заслоны противъ мятелей и снѣжныхъ заваловъ. Центральная Тихо-океанская желѣзная дорога съвероамериканскаго континента представляетъ собой огромный деревянный туннель, длиною болѣе чѣмъ 40 англійскихъ миль. Стоимость его тамъ, гдѣ постройка обходится дешево, равняется 8—12 тыс., долларовъ за англійскую милю. Тамъ же гдѣ для крытой галлереи приходится употреблять толстяя бревна, должна служить надежной защитой не только противъ заносовъ, но и страшныхъ снѣговыхъ заваловъ, тамъ англійская миля стоитъ до 30 тыс. доллар. Всюду сдѣлано множество приспособленій, которыхъ имѣютъ цѣлью предохранить постройку отъ пожара. Крѣпкие опускающіеся желѣзные заслоны, въ случаѣ нужды, дѣлятъ дорогу на участки. На разстояніи каждыхъ десяти миль находятся автоматические, непрерывно дѣйствующіе электрическіе аппараты. Въ высшей точкѣ дороги помѣщаются паровые пожарные трубы и чаны съ водой, удобныя для передвиженія и готовы къ употребленію во всякий данный моментъ. Безъ сомнѣнія заслоны эти скрываютъ отъ взора путешественника прекрасные виды Сіерры, но безъ нихъ движение по этому пути было бы немыслимо втеченіи всей зимы. Количество выпадающаго здѣсь снѣга достигаетъ нерѣдко 30 футовъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ на галлереѣ лежитъ слой снѣга до 50 футовъ.

Планъ новыхъ раскопокъ. Неутомимый докторъ Шлиманъ, большой знатокъ и любитель древностей, намѣревается сдѣлать большія раскопки въ мѣстности лежащей къ С. З. отъ Афинъ, гдѣ вблизи старой академіи, по достовѣрнымъ источникамъ, находилось мѣсто погребеній. Извѣстно, что въ этомъ районѣ уже ранѣе было сдѣлано много раскопокъ и найдено значительное количество историческихъ памятниковъ. Если къ этому прибавить, что здѣсь же находится могила Перикла, то понятно, что всѣ съ живѣйшимъ интересомъ будутъ ожидать результатовъ этихъ изысканій. Предпріятіемъ этимъ докторъ Шлиманъ окажетъ большую услугу наукѣ. Впослѣдствіи Шлиманъ намѣревается сдѣлать раскопки на островѣ Критѣ и вывести такимъ образомъ на свѣтъ Божій древнюю культуру этого острова, что должно много помочь въ изученіи древне-греческихъ искусствъ.

Волки во Франціи до сихъ поръ еще водятся въ громадномъ количествѣ. Въ послѣднемъ году ихъ было убито, особо нанятymi для этой цѣли отъ правительства лицами, 1225. Животныя, убитыя охотниками-любителями, не включены въ это число.

Бурдово, Полунина, Либава — Боровского, Луцкъ — Тонконогаго; Медведево — Лейцигеръ, Минскъ — Шпаковскаго, Муромъ — Татаринова, Н. Новгородъ — Соболева, Новочернѣскъ — Персианова, Одесса — Гельфрейгъ, Диенсъ, Анджского, Орель — Викторова, Острѣвъ — Базунова-Дадаева; Пенза — Родникова, Петергофъ — Демидова, Погартъ — Вербицкаго, Подольскъ — Молчанова, Псковъ — Гзунъ, Раненбургъ — Проферансова, Ромъ — Борисоглѣбскъ — Селиверстова, Рыльскъ — Аристарховой, Рыбинскъ — Солонцева, Рязань — Ростиславова, Симферополь — Б. А. П., Н. Д., Смоленскъ — Ессе, Ставрополь — Шумова, Павлодарскаго, Сѣдлецъ — Даргилевскаго, Тамбовъ — Веселовскаго, Тверь — Поварова, Тула — Бестужева-Рюмина, Маркова, Рождественскаго, Холмъ — Левицкаго, Черниговъ — Сафонова, Яковлевскаго — Ратькова, Ярославль — Помиленко.

РЕБУСЪ, задача № 15.

2-й заемъ 1866 года.

34-й тиражъ 1-го марта 1883 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.																					
8	44	500	2245	47	500	4744	17	500	7321	25	10000	10016	5	1000	12554	19	500	15593	28	500	18012	49	500
20	18	500	2302	27	500	4745	35	500	7344	46	500	10018	46	500	12555	36	500	15637	49	500	18085	29	500
32	3	5000	2305	28	500	4772	26	500	7354	28	500	10142	11	500	12640	21	500	15654	19	500	18090	24	1000
299	2	500	2308	48	500	4828	38	500	2441	23	8000	10180	29	500	12774	6	500	15839	6	500	18156	16	1000
305	38	5000	2365	12	500	4910	32	500	7474	3	500	10202	24	1000	12884	2	1000	15985	15	500	18399	8	500
825	41	500	2373	18	500	4969	1	500	7505	46	500	10390	45	500	12946	33	500	16057	7	500	18503	21	500
395	16	500	2633	32	500	5003	18	500	7703	30	500	10406	6	500	13058	41	500	16068	2	500	18555	2	500
421	10	500	2636	25	1000	5153	29	500	7726	12	500	10428	35	500	13231	44	500	16093	28	1000	18556	7	500
492	41	500	2709	7	500	5166	12	500	7775	12	500	10495	18	500	13238	31	500	16127	4	500	18563	8	500
498	49	500	2792	43	500	5241	24	500	8104	33	500	10593	41	500	13570	15	500	16369	46	500	18573	37	500
617	7	500	2826	28	500	5242	23	500	8132	36	500	10809	85	500	13615	2	500	16374	8	500	18594	18	500
682	9	500	2995	37	500	5322	8	500	8160	29	500	10826	44	500	13688	34	500	16374	47	500	18647	26	1000
753	24	500	3017	7	500	5488	34	500	8346	33	500	10861	41	500	13743	10	500	16444	49	500	18663	46	500
823	38	500	3104	48	500	5547	44	500	8359	2	500	10892	50	500	13776	47	500	16457	33	500	18781	43	500
826	6	500	3138	5	1000	5567	17	500	8878	38	1000	10908	48	500	13838	27	500	16608	28	500	19047	43	500
848	45	500	3151	35	500	5596	82	500	8488	49	500	11083	29	500	14296	50	500	16743	6	500	19057	8	500
851	89	500	3249	10	500	5654	4	500	8546	29	500	11035	20	500	14413	22	500	16778	7	500	19062	36	500
994	49	500	3286	41	1000	5694	33	500	8623	10	500	11089	4	500	14415	8	500	16805	9	500	19099	47	1000
1059	17	500	3289	47	500	5719	1	500	8700	37	500	11107	18	500	14486	47	500	16854	20	500	19102	34	500
1079	1	500	3296	16	500	5827	9	500	8813	38	500	11188	28	500	14468	3	500	16927	5	1000	19163	49	500
1092	32	500	3369	15	500	5960	10	500	8875	8	500	11242	38	500	14566	39	500	16947	5	1000	19170	14	500
1099	46	500	3431	37	500	5974	7	500	8893	26	500	11414	1	500	14590	2	500	17048	80	500	19276	34	500
1129	37	500	3591	4	500	5978	23	500	8982	7	500	11447	28	1000	14737	18	500	17080	23	500	19303	25	500
1148	39	500	3711	31	500	5998	18	500	9018	43	500	11465	24	500	14767	6	500	17091	46	500	19415	15	500
1199	44	1000	3785	15	500	6030	48	500	9075	43	500	11514	32	8000	14814	44	500	17190	11	500	19472	31	500
1225	35	10000	3806	44	40000	6128	3	500	9168	31	5000	11583	20	200000	14856	33	500	17198	45	500	19517	47	5000
1366	45	75000	3883	7	500	6199	29	500	9170	33	500	11583	25	500	14963	14	5000	17210	16	500	19655	44	500
1489	14	500	4113	30	500	6338	8	500	9211	21	500	11692	44	500	15102	2	500	17225	33	500	19696	39	500
1563	33	8000	4232	42	500	6410	6	10000	9233	4	500	11753	22	500	15209	42	500	17486	13	500	19698	25	25000
1621	8	500	4260	42	500	6422	14	500	9303	25	500	11772	2	500	15239	9	500	17516	43	500	19710	1	500
1682	24	500	4262	36	8000	6516	40	500	9385	12	500	11882	15	500	15300	34	500	17642	3	500	19724	23	1000
1752	17	500	4368	47	500	6835	18	1000	9656	38	500	11907	10	500	15365	13	500	17658	7	500	19745	6	500
1792	30	500	4481	15	500	6894	12	500	9821	34	5000	11936	4	8000	15379	49	500	17685	44	500	19790	31	500
1953	48	500	4482	12	500	7035	12	500	9863	12	500	12061	34	500	15392	49	500	17842	49	500	19858	30	500
2014	25	500	4494	45	500	7075	48	500	9901	8	500	12066	15	500	15492	43							

УРОКИ

англійского языка по новейшей методѣ преподаёт въ дому, Невскій просп., д. Католической церкви, кв. 26, П. В.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

Для дѣтей: куклы небьющіяся (новыя привилегированныя) отъ 1 р. 50 к. до 10 р. Новые волчки съ музыкой въ 75 к. и 1 р. Диво-птица, покоящая, съ движением хвоста и клюва 1 р. Органчики въ 3 и 4 р. Кубики съ новыми картинаами въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к. Краски въ 50 к. и 1 р. за ящикъ. Книжки для раскрашивания въ 20 к., 50 к. и 75 к. Столярный приборъ для мальчиковъ 1 р. Новое домино со звѣздами 1 р. 25 к. Губные гармони съ колокольчиками 3 р. Заводныя мыши 75 к. Шашки отъ 30 к. до 75 к. Шахматы отъ 1 р. 25 к. до 4 р.

Для взрослыхъ: щизы подѣльныхъ бриллиантовъ: Запонки грудные отъ 4 до 6 р. Серьги отъ 3 до 7 р. Броши отъ 3 до 10 р. Булавки къ галстукамъ отъ 1 р. до 5 р. Кольца отъ 1 р. до 5 р. Колье въ 20 р. и 35 р. Звѣзды въ волосахъ носить 10 р. и 12 р. Накладка золота: Единственная несгорючія щѣпочки для часовъ. Мужскія отъ 3 р. до 8 р. Дамскія: боковыя отъ 5 р. до 7 р., шейная длинная отъ 8 до 12 р. Медальоны дамскіе отъ 2 р. 50 к. до 8 р. Медальоны мужскіе отъ 2 р. до 6 р. Браслеты 8 р., 10 р. Браслеты никелированные 1 р. 50 к. Запонки грудные съ опаломъ 5 р. Свѣтащіяся въ темнотѣ спичечницы 50 к., 75 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. Подсвѣтичники 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. (за штуку). Розетки 60 к. за пару. Розетки съ правилами къ винту 75 к. за пару. Альбомы (фотогр.) отъ 2 р. до 30 р. Микроскопъ-флороскопъ изобрѣтателя П. Монсекъ, увеличивающій въ 700 разъ, 3 р. Электрическое огниво 5 р. Вѣчнія вѣшали для пальто 25 к. за штуку. Новый инструментъ, содержащий 15 инструментовъ, 3 р. 50 к. **НОВОСТЬ!!!** Соломенные рамки для фотографическихъ картъ въ 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. Коробка съ секретомъ, подъ вазаніемъ: «Открывайте меня», 75 к.

Всѣ юнымъ назначены съ пересылкой. Менѣе чѣмъ на три руб., не высыпаютъ.

МАГАЗИНЪ «НІОРНБЕРГЪ» въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, написко съ церкви Успенія, напротивъ бриллиантника Сергунина. № 2530 2—1

40 РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ,

собранныхъ **ФИЛИППОВЫМЪ**, гармонизованныхъ и для одного голоса съ фортепіано положенныхъ

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВЫМЪ.

Въ сборникѣ находятся между прочими пѣснями:

Алексѣй Божій человѣкъ, Лазарь, Егорій храбрый. Голубиная книга. Поминальная. Заздравная. Былина пѣтая Рыбнинская. Ваниша — ключница. Какъ Донской казакъ велькона поить и т. д. Одночлены, хоровыя, хороводныя и пласовыя пѣсни.

Цѣна 2 рубля.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

10, Неглинный проѣздъ (уголъ Кузнецкаго моста).

С.-Петербургъ у И. ЮРГЕНСОНА,

Б. Морская, 9.

Варшава у Г. Зениевальда, Медовая, 2.

№ 2507 3—2

Олеографіи

собственнаго изданія подешевле для
Издателей, Торговцевъ и Экспортеровъ
новый иллюстриров. каталогъ без-
платно и франко
Соответственныя золотыя рамы и листы
по фабричнымъ цѣнамъ.

BERLIN S.. Grimmstr. 7.
KARL KAULISCH,

олеографическое и хромолитографич-
ское заведение. 7—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московск.) объявление отъ кн. жн. магазина Тузова въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 10 марта 1883 г.

3-го МАРТА ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ВПЕРЕДЪ!“

Романъ изъ событий послѣдней турецкой войны

В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

Въ 3-хъ частяхъ. Цѣна 3 р. 50 коп., въ перепл. 4 руб. 25 коп.

Раньше вышла того же автора книга: «Скобелевъ», личная воспом. и впечатлѣн. Съ 4-ма гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. Цѣна 2 руб., въ роскошномъ переплѣтѣ 3 руб.

Складъ изданія у книгопродавца-издателя А. Ф. Деврена, въ СПБ., Вас. Островъ, Румянцева площадь, соб. домъ. Г-да иногородніе, выпис. прямо отъ издателя, за пересылку не платить.

Р. № 2521 1—1

ПО СЛУЧАО ПРЕДСТОЯЩАГО КОРОНОВАНІЯ

только что вышли изъ печати новые, очень удачные, художественно исполненные олеографические портреты:

Государа Императора Александра III и

Государыни Императрицы Марии Феодоровны.

форматъ $11 \times 7\frac{1}{2}$ дюйма.

Получить можно въ моемъ заведеніи, для торговцевъ партіями по очень доступнымъ цѣнамъ, также немедленно высыпаются за 5 почтовыхъ марокъ въ 7 коп. оба портре-та по почтою. Съ требованіями обращаться въ заведеніе графическихъ искусствъ Э. И. МАРКУСЪ. Ст.-Петербургъ, В. О., 6 линія, домъ № 15. № 2526 1—1

Только что поступилъ въ продажу третій, значительно измѣненный и добавленный изданіемъ

„Южно-Русский Орнаментъ“,

собранный А. ЛИСЕНКО, изданіе И. А. РОЗОВА.

Роскошный альбомъ, напечатанный изящно на отличной бумагѣ, вмѣщающей въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ для вышиванія мужскіхъ и женскіхъ рубахъ, фартуковъ, полотенцевъ, скатертей, салфетокъ и проч. Кроме значительныхъ измѣнений и добавлений, къ 3-му изданію приложены алфавиты разныхъ видовъ для вышиванія и монограммы. Цѣна съ пересылкою 3 руб. Въ этомъ альбомѣ находится много цвѣтовъ, розъ и растеній разныхъ, чрезвычайно красивыхъ въ вышиваніи, что въ другихъ изданіяхъ отсутствуетъ. Высыпается въ день получения денегъ. Укупорка въ доснахъ. Адресъ: Киевъ, Малая Васильковская, д. № 24, И. А. Розовъ. Оттуда же можно требовать Сцены и разсказы изъ мало-русского народного быта. Цѣна за 2 тома 2 руб. 50 коп. № 2524 1—1

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣть Акацій)

(Robinia Pseudoacacia)

стоять на той же степени, какъ и известныя міру спеціальности:

Maiglöckchen Г. Лозе, Königin der Nacht Г. Лозе,

HELIOTROPE BLANC Г. Лозе, BOUQUET CARMEN Г. Лозе,

какъ отличные и для платковъ продолжительно пахучіе духи.

Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.

Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.

При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики.

St. № 2523 1—1

Пересылка во всѣ страны свѣта подъ гарантію.

Ежедневно въ 1000 тутъ.

8. № 2529 3—1

Специальности: славныя собаки роскошныя, салонныя, дамскія, для охоты и полезныя. Самые большие собаки Бернадинскія, Нюфаунденскія, нѣмецкіе доги, англійскіе бульдоги, Мастифы, охотничыя, борзые, барсучыя, браковыя и собаки для травли.

Первое нѣмецкое заведеніе дресированія рассовыихъ собакъ.

Артуръ Сейфартъ, Несторъ, Тюрингія.

Arthur Seifarth Kostritz Thüringen.

Дресированіе болѣе 30 орнамъ.

Ежедневный смотръ въ паркѣ, величиной въ 3 морги.

Дресированіе болѣе 30 орнамъ.

Каждыи изъ нихъ дѣлается на 1000 тутъ.

Стоимость 10